

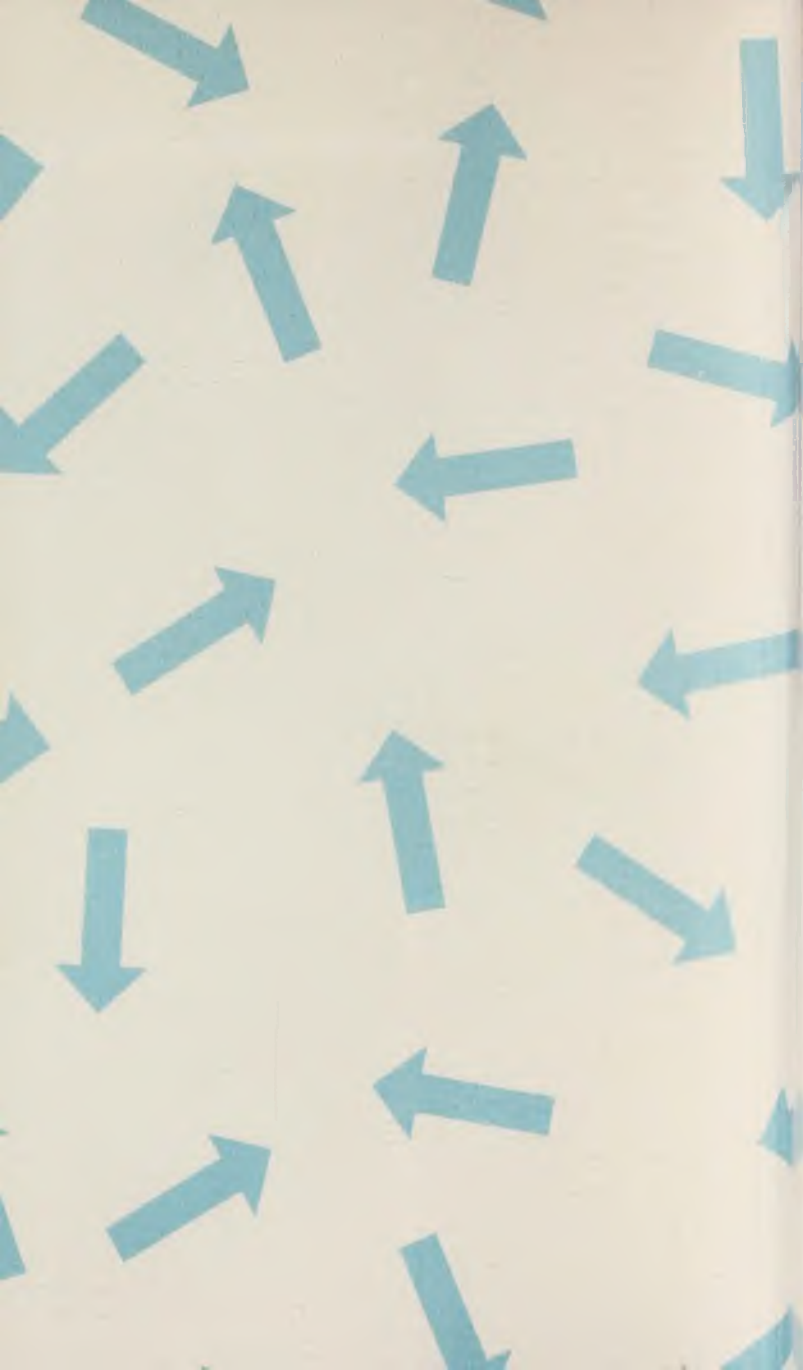
Федерация

Ускорения
↘

АНАТОЛИЙ ОМЕЛЬЧУК

СОЛЕНАЯ АРКТИКА

Зверюшка

Ускорения

АНАТОЛИЙ ОМЕЛЬЧУК

СОЛЕНАЯ АРКТИКА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ББК 33.131
О-57

Редактор Г. В. Чукурев

○ $\frac{0605010400-066}{M158(03)-89} 20-89$

ISBN 5—7529—0191—X

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1989.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Считаю, что книга публициста Анатолия Омельчука «Соленая Арктика» актуальна и полезна. Честная гражданская позиция автора позволит читателю глубже вникнуть в «тайну» социальных проблем Ямало-Ненецкого автономного округа.

В книге анализируются подходы, которые использовали хозяйственные ведомства при ускоренном промышленном освоении газовых месторождений, расположенных на территории округа; показано, как до сих пор, прикрываясь государственными потребностями (стране крайне нужен газ), эти ведомства игнорируют интересы территории, людей, ее населяющих.

Мингазпром готовится к броску на новый плацдарм — Ямал. Но очевидно, что без комплексной, научно обоснованной программы освоения полуострова жертвами преждевременного выхода будут жители Ямала. Промышленное освоение выведет из оборота миллионы гектаров пастбищ, много рек, оставит без работы и традиционных мест проживания тысячи оленеводов, рыбаков, членов их семей.

Не всем, видимо, понравится книга, но она нужна, ибо территория округа будет осваиваться и дальше.

Надо остановиться, одуматься и наконец-то реализовать комплекс мер, сочетающих интересы человека, природы и производства, иначе промышленное обустройство полуострова Ямал обернется невосполнимыми экологическими потерями, по существу, ямальским вариантом Чернобыля.

В. Первушин,
первый секретарь Ямало-Ненецкого
окружкома КПСС

МЕТАМОРФОЗА ЗАМЫСЛА

Обской на ту пору еще не существовало, на месте будущей станции примыкания группка скученных вагончиков да выпирающие ребра свай начатых фундаментов. Никаких вывесок; свежеприехавшие толком ничего не знали — пришлось стучать почти в каждую дверь, прежде чем отыскался искомый балочек, где селились изыскатели знаменитого Ленгипротранса. «Офицерская» половинка служила и конторкой, и жильем: к колченогому канцелярскому столу непомерной величины приткнулись две провисшие раскладушки, заправленные на мужскую скорую руку. Затрепанный номер «Юности» на аскетичном одеялке принуждал свидетельствовать, что изыскатели — народ юношески романтичный и, несмотря на посерьезневший возраст, остаются верны идеалам юности (или «Юности»?). Начальник изыскателей торопился на рацию, подходило время его сеанса, просил меня подождать («это недолго») и, по-интеллигентски мучаясь, чем бы меня занять, протянул листок с прыгающими буквами неисправной машинки:

— Почитайте на досуге.

Сеанс затягивался, я предложенную радиодепешу исчитал вдоль и поперек, даже переписал в свой блокнот, памятуя, что всякое большое дело складывается из деталек и частностей. В долгие минуты ожидания мне показалось, что в простеньком документе позднее отыщется какая-то сермяжная правда предстоящих грандиозных событий и на него ляжет со временем отблеск свершающейся истории. Добросовестно перепечатаваю депешу:

«Валентин Григорьевич,— обращался к начальнику изыскателей некто, спрятавшийся за

цифрой 2,— есть сообщение, звонил Леготкин: они дошли до Лаборовой и находятся там, за сутки прошли 120 км. В Лаборовой имеется радиотелефонная связь. В данный момент там метет пурга (события происходят в конце мая.— А. О.). Если завтра будет потише, пойдут дальше. При наличии погоды через сутки грозились быть на Юрибее. Леготкин просил, когда полетите, захватите для него радиатор отопления ГАЗ-71, без него он замерзнет. По пути они остановятся на фактории Юрибей — взять вездеход. Если вас не будет на точке или не обозначена посадочная площадка, они будут на фактории».

Я мог только предполагать, кто такой Леготкин, каковы задачи, которые он выполняет, преодолевая оголтелые пространства буранной тундры, но из текста мне привиделся деловой, хваткий, хозяйственный человек, умеющий легко-легонько выполнять любое наисложнейшее дело. Именно такие бывало-умеючи идут по неизведанным путям, преодолевая непогоду. Я заочно уже начал влюбляться в неведомого Леготкина, вообще от простодушной депеши исходил некий тревожно-романтический дух, может, поэтому я и поторопился переписать ее в свой блокнот.

Я искал героя. Здесь, на Ямале, начиналось строительство, необычное по существу — сплошь заполярная железная дорога должна была прошить полуостров, чтобы соединить станцию примыкания Обская (рядом с конечной станцией Северной железной дороги Лабытнанги) и Бованенковское месторождение. Почти шестьсот километров предстояло проложить по хлябям ямальской тундры, по монолиту вечной мерзлоты. Сюда, на Обскую, спешили, здесь сосредоточивались строители-путейцы с БАМа, но даже они, искушенные, проверен-

ные, гордящиеся былой славой, понимали, что далековато громозвучному БАМу до этого пока скромного, но крепкого ямальского орешка.

Как же не воспеть очередной «самоотверженный труд»? Ведь ясно же, что не без сложностей, но будет преодолена, героически покорена и ямальская тундра. Оставалось найти героя, чтобы на его — конечно же, характерном — примере живописать, как преодолевает себя, преодолевает трудности, становится героем простой советский человек.

Так почему бы не Леготкин?

С походной рации возвратится начальник, подтвердит мои догадки, что Леготкин действительно мужик надежный, по северам ползил, БАМ прошел, неистребимый трудяга, неискоренимый романтик. Он механик-водитель и сейчас ведет колонну с техникой Гипроспецгаза — для полевых работ предстоящего летнего сезона. Идут ходко, вышедшая из строя связь исправлена, поводов для расстройства нет: с Леготкиным работается легко.

Однако мне так и не довелось встретиться с полюбившимся заочно механиком-водителем: забуранило и на Юрибее, вертолеты в ту сторону не пробивались, потом у вертолетчиков кончился лимитированный керосин, планировавшийся вылет на Юрибей все откладывался, а мои командировочные дни истаяли.

Почему я вспоминаю неприхотливый изыскательский балок, радиодепешу, невстреченного бравого механика? В том балке, проработав к тому времени в высоких широтах почти два десятка лет, я впервые услышал, что полуостров Ямал — соленый. Оказывается, его намертво промерзшая твердь насыщена рассолами (понятно, не теми, что оздоравливающие действуют по послепраздничным понедельни-

кам). Солона ямальская земляца, проела ее соль близкого Ледовитого океана. Эти рассолы поставили перед изыскателями, перед проектировщиками, поставят и перед строителями уйму проблем. Соль приморской тундры смягчает мерзлоту, делает ее пластичной, будет разъедать металлические конструкции, корродировать трубопроводы. На каждую строительную площадку требуется свой соленый коэффициент: не учтешь солевой фактор — непременно поплатишься.

Позднее я отыщу в своей библиотеке солидную книжку-монографию ученых МГУ «Полуостров Ямал». Два предложения из нее придадут моим дилетантским обобщениям научную законченность: «Анализ пространственной изменчивости водорастворимых солей показывает, что в целом для четвертичных отложений Ямала свойственно увеличение их содержания с юга на север. Наличие солей обуславливает формирование значительного количества незамерзшей воды. и, как следствие этого, снижает прочность пород». Вот тебе и пресловутый монолит вечной мерзлоты!

Но я полагал, что будущим моим героям очередное нелегкое дело окажется по плечу, по замаху.

По-моему, задумка, оформившись, звучала неплохо — «Соленый полуостров». Я поставил заглавие, обозначил жанр — очерк — и вот уже третий год его пишу. Может быть, действительно не нашлось подлинного героя, на этот раз не повезло? Да нет, красивый, граждански привлекательный человек всегда отыщется.

Не набиралось материала? Наоборот — с излишком. Сюжет не выстраивался? Да нет, сюжет залихватский: заполярная железная дорога стремится к кончику ямальского «носа», приключения изыскателей, поиски проектиров-

щиков, тревоги полярных аграриев... Но что-то на душе скребло... С проблемами получалось странно: они выскакивали, как гуттаперчевые куклы, пропадали, появлялись новые, исчезали, и то, что болело вчера, выглядело несущественно-несерьезным сегодня. Но грозно ощущался за калейдоскопом моментальных проблем некий серьезный, основательнейший резон.

Наполнялись репортерские блокноты, километрами наматывалась магнитофонная лента — в фактах и мнениях немудрено было захлебнуться.

Я-то грешил на себя: лень, несобранность, попросту не пишется. Но сегодня, сдается, начинаю понимать, что в героико-проблемный замысел властно вмешалось время, — время разрушения стереотипов, переоценки ценностей, переосмысления дел.

Настоящий поиск непредсказуем: поедешь в Индию — найдешь Америку. Полагаю, в этой книжке нетрудно отыскать следы застойной робости, неизжитые приметы зашоренного сознания, но мне не хотелось бы выглядеть мудрым задним числом. Может, мои метания и сомнения помогут показать процесс избавления от стереотипов?

Еще три года назад меня приводило в умиление: впервые при выходе на северные месторождения освоение — классическая схема! — начинается с дороги. Да и как не прийти в восторг — Медвежье, Уренгой, Ямбург осваивались бездорожно, с таким транспортным надрывом, что мученически стонало покоренное пространство. Сегодня же понимаешь, что один элемент классической системы — это еще не системный подход.

Произошла метаморфоза моего первичного замысла. Но постараюсь рассказать обо всем по порядку.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РОЗА

Я работал еще в Салехарде, в радиокомитете, когда получил приглашение на открытке. Открытка изображала цветущую роскошную розу. Казалось, она благоухала даже на снимке. А на обороте казенный текст: «Руководство, партбюро и профсоюзный комитет ПСМО Ямалтрансстрой приглашает Вас принять участие в митинге, посвященном укладке первого звена железнодорожной линии Обская — Бованенково. Митинг состоится 27 декабря 1986 года в 12.30 у нулевого километра (переезд станции Обская)».

— Опять парад,— подумалось мимоходом, ибо в то время мы как раз здорово принялись критиковать парадность.— Но с другой стороны — не такое уж и рядовое событие: от нулевого пикета стартует заполярная железнодорожная магистраль, аналогов которой в мировой практике нет и вроде не предвидится.

Я позвонил в Тюмень, пригласил группу телевизионщиков. Старший из них, кинооператор Виктор Завьялов, сомневался:

— У вас ведь там полярная ночь, чего мы снимаем?

— Попросим прожекторы врубить,— пообещал я.— Телезрители особо прочувствуют, где происходят события.

Завьялов как в воду глядел: ничего не снял. Но вовсе не потому, что декабрьский денек за полярным кругом куц, как заячий хвостик. Ни митинга, ни торжественной укладки первого звена не состоялось. Если искать объективную причину, она вроде бы налицо — мороз под сорок. Наверное, бывалым северянам, бывшим бамовцам, это вряд ли бы помешало. Но вот у путеукладчика человеческого резерва

морозоустойчивости не оказалось. Он был рассчитан на работу при минус 28°. И уж как ни колдовали, ни хитрили прославленные трансстроевские механики, путеукладчик свой длинный «хобот» так и не сумел высунуть.

— Так что,— спросил я у организаторов митинга-праздника,— во всем отечестве не сыскалось полярно-потребного путеукладчика?

— Во всем отечестве...

— А как же дальше работать?

Я явственно увидел, как этот вопрос завис в густом морозном воздухе, а мой руководящий собеседник махнул рукой.

Открыточку с нежной преждевременной розой я все же сохранил, хотя немного помял в кармане. Наверное, тоже нервничал. Завьялов, объясняясь перед начальством за бесплодную командировку, сослался на сильные морозы. Его поняли — отечественная кинотехника рассчитана на среднероссийский температурный режим, а не на заполярные зашкалки.

Первые звенья, целый первый километр от нуль-пикета, лихие трансстроевцы до нового года все же уложили. Нет, морозы не стихли и путеукладчик на трассу не вышел. Укладывали они вручную, как на первом до-революционном Транссибе. Понять современников можно: километр уложенного пути — их конечная продукция. И зарплату трансстроевцы получают с конечной продукции.

ДОРОГА В НИКУДА

Мой харасавэйский знакомец, большой поклонник гласности, в очередной раз встретив меня на берегу Карского моря, спросил:

— «Дорогу никуда» Александра Грина читал?

— Давненко.

— Хотел бы живую дорогу в никуда посмотреть?

— Прямо в никуда?

— Именно в никуда.

Он посадил меня на расхристанный «уазик», сначала мы ехали по прибрежному песку, а потом выскочили на бетонку. Она была узенькой, из плит, но уложена довольно аккуратно. «Уазик» резво промчался по ней минут пять и остановился. Мы вышли из машины. Дорога резко обрывалась, перед нами расстилалась огромная, непостижимая, необъятная тундра. Я сделал шаг вперед, с полотна, и, видимо, от недоумения нагнул, посмотрел — не нырнула ли дорога под землю. Мой спутник засмеялся:

— Никуда. Никуда отсюда начинается.

— Метафизика какая-то! — воскликнул я.

— Нет, наш родной, отечественный стройсюрреализм, — опроверг мое определение собеседник. Оказывается, пятилетку с хвостиком назад сюда, в район Харасавэя, начали выход газовики из Коми республики. Начали они ретиво и по существу правильно — с базы, с дороги. Только оказалось, что газпром не рассчитал сил. Материальным свидетельством непродуманного расчета осталась пятикилометровая автодорога.

— Если эту трассу выложить не плитами, а рублевыми или даже трехрублевыми ассигнациями, государству обошлось бы дешевле.

Не знаю, делал ли почитатель Грина специальный расчет или только прикинул в уме. До сих пор перед глазами метафизическая картина — вольная, просторная, великая тундра, величавый раскат земной тверди, а позади жалкая ниточка поистине никудышной дороги. И еще чувство какой-то не то романтической,

не то сюрреалистической гордости: вы не видели дороги в никуда, а я видел. Повезло, что называется.

ПОЛЯРНЫЕ МИРАЖИ

Для чего я состыковал эти два факта? Показать, что организационно-отечественного бардака много — как на нулевом пикете полярной магистрали, так и там, куда она стремится?

Наверное, и это. Но не только это.

Север — это непреодоленное пространство, грандиозное бездорожье, он заждался каких-никаких транспортных коммуникаций. Как может северянин относиться к дороге? Понятно, с восторгом, с подобающим пиететом.

Что испытал, скажем, я, когда узнал, что по заполярному берегу Ямала к месторождениям природного газа — Бованенковскому, Крузенштерновскому, Харасавэйскому — потянут колею? Конечно, полагающийся восторг, хотя к моей-то судьбе полярная дорога вроде никакого касательства не имела. «Железка» решала промышленные задачи и человечески оживляла этот край. Названия западноямальских полярков и факторий — Морды-Яха, Марра-Сале, Усть-Юрибей, Уроно — всегда звучали призывно, привлекательно для романтического сердца, но шансы попасть на них практически равнялись нулю. Желанный карский берег Ямала дорога делала ближе.

Но это так — мои субъективные интересы, по государственному же существу магистраль начинала промышленное освоение щедрейших недр полуострова. Дорога на Бованенково виделась прямой наследницей, преемницей БАМа. Основные сливки там были сняты, освободившиеся силы Минтрансстрой бросал на

Ямал. Чем не очередная порция для полагающейся гордости? Добавочный восторг рождало и минтрансстроевское опережение: еще не сидит на Бованенково ни один строитель, ни один газодобытчик, а дорогу уже измыслили и начинают прокладывать. Наконец-то все делается путево, по уму; жизнь, как ей положено, начинается с дороги. Разве можно было давать иные оценки начинавшемуся строительству? И все-таки...

Двадцать лет я прожил в Салехарде, а сразу за его лесотундровой околицей начинается «мертвая дорога» — домовитые салехардцы ходят по ней по грибы, особо скорые на ногу набирают корзины аккуратных полярных волнушек. Это — кинутая, заброшенная железнодорожная колея на Игарку. Поживи «вождь народов» Иосиф Виссарионович Сталин еще месяца три-четыре, заключенные строители «прораба» Берии соединили бы третий, полярный Транссиб в единую нитку от Салехарда до Игарки. Но сразу после приснопамятного марта 1953-го Берия предпочел ею не заниматься, разогнал лагеря невольных строителей. Почти готовая «железка» была брошена.

Идешь по негустому полярному лесочку, вдруг нечаянно ступишь на неожиданные рельсы, а между ними уже вымахал приличный березнячок, и как-то не сразу вспомнишь, что заросшая бурьяном и березовым подростом мертвая трасса — сталинский «великий путь к океану».

У «мертвой дороги» трагическая история. Я занимался ею, и в сознание как-то незаметно вошло, вжилось: благие намерения нередко приводят к масштабным тупикам. К несчастью, это привилегия не только сталинских времен: в начале семидесятых стали прокладывать газопровод «Сияние Севера» от Медвежьего на

Ухту через Полярный Урал. Поторопились, что-то не просчитали, не учли в проектах: линию трассы пришлось спускать южнее. Однако часть газопровода смонтировали, уложили в землю. Пришлось его выкапывать, размонтировать, убирать построенные базы... Обошлось это не в один десяток миллионов рублей. И долго еще в грибных местах под Салехардом лежали солидные маннесмановские трубы. Почти рядом с «мертвой дорогой» — «мертвый газопровод»...

Железная дорога на Бованенково, кстати, первые свои километры бежит по старой насыпи, уложенной в начале пятидесятых: у «мертвой дороги» имелся ямальский отвод к Мысу Каменному. Да что там давние года! Рядышком с Новым Портом стоит современный «мертвый поселок» — Ямальск, он законсервирован всего три года назад: добытчики не рассчитали сил, преждевременно вышли на Новопортовское нефтяное месторождение. Памятник их отступлению — брошенный поселок. Многовато рукотворной мертвечины!

Разве они не оскорбляют нашу национальную гордость, эти «мертвые дороги», миражи газопроводов, несостоявшиеся поселки, авто-трассы в никуда?! Как не родиться смятению или, на худой конец, здравому сомнению, когда нас обольщают очередным грандиозным проектом?

Арктическую тундру называют ледяной, мертвой пустыней. Не могу согласиться с этими испуганными представлениями. Природа мертвой не бывает, даже в Арктике. Мертвой Арктику может сделать только сам человек. Каждый из нас может куда-то отступить. А куда отступать природе? Для нее наша планета — последний приют и последний рубеж.

ЖЕСТОКИЙ ВАРИАНТ

Однажды летней ночью — по часам, но при незакатном полярном солнышке — решил я прогуляться морским берегом от Харасавэя до нефтеразведочной подбазы. Это дюжина километров. Понять мое настроение нетрудно: солнечная ночь, почти ласковое июльское Карское море со льдами на далеком горизонте, нежная, зеленеющая тундра. Но вернулся я злой, как здешний арктический черт, и не потому, что устал, а потому, что большего свинства мне видеть не приходилось. Весь берег, и не только около подбазы, был завален. Ржавый и живой металл, искореженные и вполне пригодные трубы, бочки, разодранные мешки с цементом, ряды разграбленных автомобилей и мертвых тракторов, куски кабеля, засыпанные песком доски, обрывки линолеума. В одном месте рулон толя был раскатан, и по нему можно было вышагивать, как по парадному коврику. Торчало погнутое железо, военными надолбами вставляли ошкуренные бревна. На миг представилось, что я шагаю по местам ожесточеннейшей битвы. В боренье с арктической природой наступающий человек, кажется, выбрал самый жестокий вариант. Какие уж там романтические грезы под шум арктического прибоя с солнцем вместо ночной луны! Хоть бы ноги не сломать.

В тот же приезд я познакомился с начальником стройучастка — как мне его рекомендовали, большой хозяйственности мужиком. Он с гордостью продемонстрировал две ремонтные мастерские из сборных конструкций.

— Мы эти конструкции ниоткуда не завозили, — я записал его рассказ на магнитофон, и на пленке слышатся его горделивые нотки. — Все это насобирали здесь, прямо на берегу.

Были, правда, не только целые, но и испорченные конструкции, но их подправили, видите, как аккуратненько смотрятся. Там, на берегу, впрочем, еще есть, на холодный склад наскребем.

— Богатая земля? — слышится на пленке мой недоуменный вопрос.

— На Арктику страна средств не жалеет, — нашелся собеседник.

СТАНЕТ ЛИ В АРКТИКЕ ТЕПЛЕЕ?

Ответ может быть только один: несомненно. Пока нелегко подсчитать — на тысячные или сотые доли градуса, но теплее уже стало.

Долгое время символом Харасавэя был знаменитый здешний факел. Для моряков с ледоколов он даже служил маяком. Я как-то плыл из Мурманска на атомоходе «Сибирь» и в капитанской ложи увидел карандашную пометочку: «Факел».

Харасавэйские геологоразведчики пробурили прямо в поселке скважину, перевели на местный газ котельную. Все бы великолепно, очень по-хозяйски. Да вот давление газа в скважине оказалось слишком сильным: технологию для котельной надо было усложнять, это лишние затраты, а газ-то бесплатный, бесхозный. Проще его стравливать в факел. Если бы газ покупался за деньги — другой подход, а он бесплатно прет с бешеной силой, пусть и служит символом и маяком. Горел факел без малого десятков лет, сгорело газа, пожалуй, не меньше миллиарда кубометров, а может, куда больше (неучтенный — значит, неучтенный). Сейчас, правда, его сумели укротить, но все еще не до конца.

Специалисты, как заклинание, произносили слово «технология». Как будто технология —

это нечто неизменное, от бога данное и усовершенствованию не поддающееся.

Так что, по крайней мере в районе Харасавэя, арктический воздух прогрелся на какие-то доли градуса.

Но вместо одного факела, правда уже не в Харасавэе, а на Бованенковском месторождении, появилось целых пять. Вахтовый АН-24 летел высоко, но даже с пятикилометровой (по информации стюардессы) высоты внизу ясно виделись пять факельных языков. Пять факелов в одной кучке — меня это заинтересовало, и вот что удалось выведать в объединении Ямалнефтегазгеология. Оказывается, они горели тоже не первый год. При проходке поисковой скважины геологоразведчики-буровики получили неуправляемый фонтан. Бурового мастера судили и в виде наказания заставили (кроме выплаты скромного штрафа) заниматься ликвидацией аварии. И хотя сам-то виновник трудится истово, геологи ничего не могут поделать. Проводка наклонной скважины привела к образованию грифонов: газ под толщей вечной мерзлоты находит щели, каналы и вырывается наружу. Чтобы не отравлять атмосферу, его поджигают.

Арктические недра — стихия коварная, она каждому первопроходцу может преподнести тысячу сюрпризов. Удивила тишина около грифонной катастрофы: надо бы объявить едва ли не всемирную мобилизацию, а с аварией возятся считанные люди. Сгорел в грифонах явно не один миллиард кубометров газа. Как не вспомнить для сравнения, что Западной Европе мы ежегодно продаем 20 миллиардов кубометров северного газа. За доллары, марки, фунты и франки.

После этого станете вы утверждать, что климат на Ямале не помягчает?

КАНАЛ ИЛИ ПРОЛИВ!

В «Красном Севере» читаю заметку «Перечеркнуть Ямал?». Окружная газета сообщает, что Гипроречтранс занимается исследованием трассы судоходного канала поперек Ямала, по рекам Се-Яха и Морды-Яха, по так называемому Мангазейскому ходу — мангазейскому волоку, по пути, которым шли в Мангазею семнадцатого века отважные российские поморы.

Изыскания с очередным грандиозным замахом, естественно, настораживают. В последнее время я занимался книгой о путешественнике и писателе начала нашего века Константине Носилове, писал и рассказывал о его делах и начинаниях. В активе славных дел этого замечательного человека проект ямальского канала, которым он заинтересовал даже Владимира Ильича Ленина, и первый Председатель Советского правительства помогал в организационных делах Ямальской экспедиции, подписал специальное постановление Совнаркома РСФСР.

Но носиловский проект был рассчитан на использование богатой естественной гидрологической сети полуострова, сам канал предусматривался длиной всего в 36 сажен, предполагалось, что по нему пойдут малотоннажные суда.

Сегодняшние речники, чтобы не делать «кругаля» вокруг полуострова и спрямить путь к Харасавзю, собираются напрямую перерезать полуостров. Суда сегодня куда мощнее, землечерпалки понапористее, землесосы пояростнее. Придется заниматься серьезными дноуглубительными разработками (а это для размахистых водных путейцев валово-прибыльная работенка), основательно затронуть

уникальную систему озер Нейто. А самое главное — канал предполагается почти прямым, значит, позволит морским водам внедриться далеко в сушу, может сделать судоходный путь морским проливом.

Я помню фразу академика Николая Черского, который занимался исследованием арктического побережья Якутии:

— То, что океан забрал, он уже никогда не отдаст.

Геологическая история свидетельствует, что Северный Ледовитый океан наступает на побережье. Порой даже вездеходного следа достаточно, чтобы отобрать очередной кусок суши. С океаном шутить не следует. А ведь канал не вездеходный след.

Оппоненты называли носилковский проект «Ямальской Панамой», считая его авантюрным. Сегодняшнее возвращение к этой идее, изыскания проектировщиков с очередным грандиозным замыслом откровенно пахнут экологическим авантюризмом.

Спору нет, любое научное исследование полезно, если оно непредвзято и не призвано однобоко обосновать поставленную цель. Наверное, серьезных научных проработок ждет и предполагаемая трасса ямальского канала. Но начавшим поиск следует помнить, что истинный результат не обязательно тот, который они поставили себе в качестве цели.

Ямал — тонкий природный организм, и каждый опыт требует не безалаберного топора дровосека, а осторожного, экологически чистого скальпеля. Работа же нижеобских речников, которые варварски орудуют, скажем, на Соби, вряд ли дает основания полагать, что такие работы на Заполярном Ямале будут проведены научно осторожно.

«СТАНЦИЯ СМЕРТИ»

Стальное море. Черная тундра. Рваный клочок мутного тумана. Синяя — в солнечном свете — морская вода. Изумрудный бобрик освещенной солнцем тундры... Но снова тяжелое рваньё тумана. Под ним угадывается серое море, темная тундра.

Вертолетчик, кажется, серьезно рискует. Ми-8 на время оказывается в сплошном свинцово-молочном месиве. Но вот плотная масса истончается, вот-вот прорвется, но нет — только молочная темнота и где твердь, где водная зыбь, не разберешь.

Летим низко, а здешний морской берег прорезан холмами. Но аэрокомандир не собирается терять пилотскую марку: на борту московская комиссия, ее следует непременно доставить в Марра-Сале. А может, для него, бывалого, хотя и моложавого лицом аса, это обычный, простой полет, и только столичным пассажирам на борту хочется думать и надеяться, что они попали в опасный полярный переплет, романтический эпизод незабвенного юношеского чтива?

Вертолет как бы подныривает под стремительное стадо низко летящих облаков, и все пространство вертолетного иллюминатора закрывает плотного зеленого цвета масса надвигающегося морского берега.

Значит, если очень стремишься — рано или поздно добьешься своего и попадешь даже в труднодоступное Марра-Сале. Мелькнули внизу, на величественно крутом яру, долгожданные домики. Сколько их? Раз, два, три. Стоят наособицу, вразвалку. Между ними мачты, акkuratным штакетником отгороженная метеоплощадка, авторитетного вида бездействующий ветряк. К сающемуся вертолету несутся

гостеприимные северные псы. Полярная станция Марра-Сале. С морского крутояра открывается просторный вид на отливающие свинцом воды Карского моря. Невдалеке, сливаясь с темной водой, виднеется низменный остров Литке.

Бегу искать начальника полярки. Петр Бондарец — молодой, уса́тый, в рабочей одежде — на представительного полярного начальника обескураживающе не похож.

— У нас ремонт и навигация, — сразу оправдывается он, для чего-то снимая замызганную шапчонку.

Недалеко, на рейде, вырисовываются в разжижающемся тумане два корабля, к берегу приткнулась неуклюжая шаланда. Полярники уже разгрузили дрова, уголь, бочки с бензином, ящики с продовольствием. На очереди самый деликатный груз — коровы: сначала это молоко, а зимой — живое мясо.

Видя все это, трудно представить, как живут полярники, но одно понимаешь сразу: коллектив сугубо мужской.

— Некомплект, — хмуро цедит молодой начальник.

— Никто на Марра-Сале не хочет ехать?

— Что здесь за жизнь? Ни заработков, ни быта. Сплошной малооплачиваемый героизм.

Да, Марра-Сале явно не образцовая станция.

Десять лет назад к полярникам присоединились, деля их арктическое одиночество, исследователи-мерзлотоведы. Институт ВСЕГИН-ГЕО «посадил» на мысу Марра-Сале геокриологический стационар. Для инженерных целей они изучают вечную мерзлоту Ямала.

Если специалисты остановятся на морском варианте — мощные подводные дюкеры начнут укладывать отсюда, система газопроводов

нырнет в Карское море, чтобы вынырнуть на западном берегу Байдарацкой губы.

Но я рвался в Марра-Сале, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на этот кусочек приморской тундры по иному поводу.

— Осталось что-нибудь от первых построек? — безнадежно спрашиваю у Петра, потому что ничего полярно-старинного мне в глаза не бросилось.

— Осталось, — радуется Бондарец и ведет за собой. На взгорке приютилась невысокая, невзрачная сараюшка.

— Наш скотный двор, — поясняет спутник. — Коров здесь до зимы держим. Что раньше было, не знаю, но утверждают: из построек четырнадцатого года.

Ну что из того, что у полярного раритета вид непрезентабельный! Как не порадоваться: хоть одно давнее свидетельство, да осталось. Марра-Сале — станция не совсем обычная. Это первая полярка на всем Сибирском Севере. На ее примере нетрудно убедиться, что нет в Арктике мест неинтересных, пустычных, не отмеченных знаком мужества и терпения.

Напомню: национальную арктическую магистраль — Северный морской путь — царское правительство признало «весьма важной» после длительных и ожесточенных прений только в 1893 году. Российский император проявил необычный для него интерес к оборудованию Севморпути, начертав в особом журнале кабинета министров высочайший автограф: «Поторопиться с этим делом». У российских моряков родилась идея — создать сеть радиотелеграфного обеспечения морских караванов на арктической трассе. Именно тогда и зазвучало малознакомое ненецкое название «Марра-Сале».

В навигацию 1912 года радиооборудова-

нием для новой станции в Архангельске были загружены отечественные пароходы «Иоанн Богослов» и «Вассиан», а также знаменитый барк «Нимврод», который до этого успел прославиться тем, что доставил к Антарктиде южно-полярную экспедицию англичанина Шеклтона. Однако карские льды 1912 года оказались не по зубам ни английской знаменитости, ни русским ледовикам. Навигация следующего года грозила повторить предыдущую. Марра-салинский ветеран «Вассиан» толочся у ново-земельских проливов, боясь сунуться в ледовый мешок Карского моря. Однако июльские ветры разогнали ледовые поля; корабли осторожно двинулись к Ямалу. Обстановка заставляла торопиться, и уже через три недели пустынный берег украшала стройно-ажурная радиомачта.

«Радиостанция Марра-Сале шлет вам фарвел». Этим пожеланием счастливого пути новая российская (и первая полярно-сибирская) радиостанция вышла в эфир. Марра-салинские полярники трижды в сутки передавали метеосводки московской Ходынке, архангельской Исакогорке и английскому Карнарвону. Марра-Сале входила в полярный «треугольник» — в унисон с ней работали станции в Карских Воротях и на Югорском Шаре. Начало было удачным, чего не скажешь о продолжении. «Над Марра-Сале довлеет какой-то злой рок, — писал один из зимовщиков двадцатых годов, — каждый год цинга со смертельными исходами». Печальный титул «станции смерти» закрепился за Марра-Сале. Особенно тяжелой оказалась зимовка 1924 года. Гидрографическое судно «Иней» летом приняло на борт семь полутрупов, вся смена страдала от цинги. «Один из больных маррасальцев — моторист Румянцев был принят на носилках и представ-

лял скелет, обтянутый кожей, с едва теплящейся в нем жизнью. Он не мог даже говорить. Было сомнительно, чтобы он дотянул до Архангельска. Я знал его по Омску здоровенным, розовощекиим парнем. Бедняга, он похоронил на Марра-Сале жену, умершую после родов и цинги, а новорожденный мальчик тянул до прихода «Инея» и умер уже на его борту».

Набирать состав работников на станцию со столь мрачной репутацией, конечно, было трудно. Но всегда находились люди, которые не боялись бросить вызов полярной стихии.

...На обложке книги «В стране вечных льдов» имя некогда очень популярного автора — Николай Шпанов. Арктическая тема вовсе не случайна в творчестве автора романов «Заговорщики», «Поджигатели», «Падение Берлина». Писатель начинал как полярник на Марра-Сале в зимовку 1928 года. Она также не обошлась без трагедии. Заболел начальник полярки, но тут на помощь пришло радио — ежедневно Шпанов получал рекомендации врачей из Архангельска, которые советовали, что делать с больным. Зимовавшей смене удалось продержаться до лета. К ямальским берегам подошел знаменитый ледокол «Красин», на его борту находился специальный груз для зимовщиков — чеснок, свекла, клюква, даже апельсины и лимоны. Ледокол, сменив курс, повернул к Марра-Сале. Корабельный врач на шлюпке с дефицитным грузом добрался до полярки. Оказалось, что радиоконсультации сделали свое дело — больной, располагая необходимыми витаминами, мог поправляться на месте.

Несмотря ни на что, Марра-Сале несла свою радио- и метеослужбу, обеспечивала нормальный ход Карских товарообменных экспедиций, регулярно поставляя сводки из арк-

тической «кухни погоды», не прекращала своей работы в годы Великой Отечественной войны, когда в здешних водах пиратствовали немецкие подлодки и крейсера, исправно несет службу и сегодня. Восемь раз в сутки со старейшей полярки Сибири уходят в Амдерму гидро-, метео- и агросводки, вписывая свой штришок в глобальную схему арктической погоды. Долгое время этот берег был безлюдным, пустынным и диким.

* * *

...Этот эпизод может показаться вставным в моем очерке, он действительно вставной, но мне захотелось представить читателю хотя бы кусочек богатейшей арктической российской истории, чтобы рельефнее, что ли, показать, где происходит действие. Это Арктика! Арктика со своей историей, традициями, со своими законами.

ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ!

Крохотные тундровые фактории, трассовые поселки, районные центры, полярные метеостанции, центральные усадьбы звероводческих совхозов, конторы строительных трестов, базы рыбозаводов, лаборатории научно-исследовательских институтов... Лабытнанги, Усть-Юрибей, Яр-Сале, Аксарка, Новый Порт, Надым, Се-Яха, Лаборовая, Сабетта, Салехард, Белоярск, забытое Марра-Сале...

Я мотаюсь по знаменитому Тюменскому меридиану, между Тюменью и Харасавэем, а в голове с завидным постоянством прокручиваются ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» А из какого мусора обветшалых представлений рождаются

проекты дорог?.. Из каких тактических просчетов — стратегия освоения? Поэтические ассоциации могут завести далеко...

Проектировщики, экологи, партийные работники, зоотехники, гидрогеологи, газовые генералы и чернорабочие буровых, капитаны морских транспортов, машинисты трубоукладчиков, диспетчеры полярных аэропортов, социологи, пастухи оленьих стад, специалисты по вечной мерзлоте, монтеры пути, охотники, эксперты межведомственных комиссий, руководители районного звена, полярные метеорологи...

Да, все они определяют и сегодняшний день, и будущее полуострова.

Я ищу среди них героя. Но герой — это определяющий человек, а вот определяющего-то человека не нахожу. Выслушиваю мнения: здоровые, глупые, лукавые, но не определяющие. Крутится какой-то гигантский маховик, у всех целеустремленные лица, но понятно пока одно — результат поисков, выбор варианта непредсказуем.

Когда меня убеждают, что умные проектировщики все учтут, обоснуют и запланируют, вспоминаю одну из многочисленных встреч. Юрий Павлович — солидный проектировщик в весомом чине, человек бывалый, в его облике все подчеркивает эту бывалость. На полной фигуре небрежно-бывало висит потрепанный кожан, со вкусом достает из потертого футляра и подносит к глазам сильный цейсовский бинокль, волосатым пальцем водит, указывая точку, по затертой карте-трассовке. На Ямале он объявился после БАМа и, как понимаю, продолжает мыслить бамовскими категориями. По его словам, работалось там «вкусно», «лихо». Там спрямляли русла рек, меняли фарватеры, брали песок из речных плесов.

— Экологический бред! — почему-то переходит Юрий Павлович на свистящий крик.— Природа сильна! Года три спустя лечу и — никаких следов нашей деятельности: на своем месте речные косы и плесы. Человек — плевок бога, что его мизер может сделать природе?

Он успокаивается, приобнимает меня, шумно дышит, шуршит бывалой курткой:

— Эти экологические стоны — сплошной Фрейд, порнографическая чепуха! Можете себе представить, мы рвем породу, мощнейший взрыв, половину горы выворотило. Но ночью прошел снежок, и что же мы видим наутро на пороше? След изюбра... Зверь ходит излюбленной тропой и не боится вчерашнего взрыва. Забыл о нем. Надоело! — резко мотает головой Юрий Павлович.— Надоело бороться с некомпетентными хлюпиками — общественный визг, гражданский писк и никакого конструктива. С такими защитниками природы человечество в шкурах бы еще ползало!

Я-то наивно полагал, что столь очевидно откровенный тип проектного эксперта давно исчез из современного обихода, по крайней мере лихой экологический налетчик на время должен притаиться... Но нет, встречаются еще откровенные люди... Ведь Юрий Павлович в эти широты попал не впервые, облазил трассу от Уренгоя до Норильска, исследовал вариант по Тазовскому полуострову, по Ямалу прошелся с отрядом еще десяток лет назад... Полярные скитания могли бы привить хоть крошечку любви к суровой земле. Ведь не чужая... Но нет, не привили. Страшен ученый варвар с солидным полярным стажем.

Полагаю, правда, одно доброе дело Юрий Павлович все-таки делает: заставляет не доверять проектировщикам. Мы ведь привыкли

доверчиво раскрывать рты, а его собратья, бывалые, прошедшие огонь и воду, пользуясь этим, творят, словно на чужой земле. Когда в правительственных — вынесенных на правительственный уровень обсуждения — документах видишь, что экологии посвящена одиноко-кущая строчка на последней странице, вспоминаешь Юрия Павловича и понимаешь, что у него немало соратников и последователей, тех, кто исповедует героико-первопроходческие догмы, что природа могуча, ее воспроизводящие силы неиссякаемы и она по-прежнему все стерпит, перенесет и возродится.

Занимательный сюжет с неизменным конфликтом можно скроить, когда познакомишься с фабулой создания проекта «Ямал». Это драма. Настоящая драма идей и дел, толковых задумок и бюрократической бестолочи. Рождается первый вариант: шесть ниток газопроводов вкупе с железной дорогой спускаются с севера от Бованенково по полуострову к Лабитнангам, огибают Байдарацкую губу и через Полярный Урал уходят в Европу. Но столь массивный напор природа Ямала вряд ли выдержит. Вариант отвергается без особой борьбы. Рождается другой, неожиданный, в духе времени — смелый. Система газопроводов от Бованенково по суше доходит до Марра-Сале и ныряет в Байдарацкую губу, форсирует ее и — уже без горного перехода — устремляется в Европу. Вариант рискован до авантюриности: ширина морского залива в месте перехода достигает 80 километров. Губа мелководна, замерзает на зиму, во время ледоходов полярные стамухи глубоко — особенно у берегов — роют дно. Мировая практика трубопроводного строительства столь рискованных аналогов не знает. Раньше бы это «впервые в мире» привлекло, сегодня — насто-

раживает, если даже не учитывать того, что отечественной техники для подобного арктического эксперимента попросту не существует. Когда она будет создана? Но сегодня это единственный и уже безальтернативный вариант. Утвержденная авантюра?

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПЕРЕМЕН!

Местные власти — партийные, советские — привыкли взирать на освоенческую чехарду армейски смиренно, академически спокойно: от них ничего, кроме государственной послушности, не требовалось. Они приучены к тому, что большие стройки на Тюменском Севере начинаются, как правило, громким суесловием, но, по обычаю, неподготовленно.

К диктату ведомств на местах приучены. Но видимо, всякому терпению рано или поздно наступает конец. Тем более что ведомственная вседозволенность Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Мингео, Минтрансстроя переступает всякие границы.

«...Заказчиком по обустройству Бованенковского месторождения дирекцией строящихся газодобывающих предприятий Ямалгазпром, его подрядными организациями Главуренгойгазстроем, Главямбургнефтегазстроем, производственным объединением Севергазпром работы ведутся без глубокого изучения специфических природно-климатических условий по временным проектным решениям, в которых не отражаются природоохранные мероприятия, что усиливает негативное воздействие хозяйственной деятельности на природную среду.

Поселок Ямальской экспедиции глубокого бурения объединения Севергазпром расположен в водоохранной зоне водоема I категории рыбохозяйственного использования реки Мор-

ды-Яха; водозабор на реке не оборудован рыбозащитным устройством. Поселок СМУ-3 треста Севергазстрой расположен в зоне затопления реки Се-Яха, являющейся также водоемом I категории рыбохозяйственного использования. Выгрузка оборудования и материалов производится на естественные берега рек.

Размещение и строительство поселка Ямальской экспедиции глубокого бурения треста Северспецбургаз, подбазы на реке Морды-Яха, поселка ДСУ-2 треста Севергазстрой, участка СУ-33 с вагон-городком Главуренгойгазстроя, Бованенковского участка специализированного управления природоохранных работ (I) Главямбургнефтегазстроя произведено без наличия проектно-сметной документации, без конкретной привязки к местности и согласования с инспектирующими службами округа».

Я испытываю читательское терпение длинной сухо-официальной цитатой, чтобы конкретно показать, как совершается надругательство над ямальскими тундрами. А ведь, по существу, пока идет только пристрелка, основные освоенческие силы на Ямал еще не подошли. Что ждет многострадальный полуостров, когда они подойдут? Видения полярного Апокалипсиса?..

Но вот впервые за последние пятилетки, впервые за годы нефтегазового освоения Ямало-Ненецкий окрисполком рождает неожиданное, скандально-перестроечно нетрафаретное решение (я цитировал его констатирующую часть). Этим решением от 23.03.88 г. «О нарушениях природоохранного законодательства при разведке и обустройстве месторождений на полуострове Ямал» Ямальскому райисполкому — хозяину полуострова, долгое время слепо выполнявшему свирепо-безграмотные прихоти освоенцев, — предписывается «прекраще-

тить выдачу разрешений об отводе земель заказчику до завершения технико-экономического обоснования по полуострову Ямал и утверждения правительством «Схемы расселения нефтегазового комплекса».

Гром среди ясного неба! Но грозовые тучи собирались слишком долго. В чем-то робкие, но граждански смелые попытки противодействия показывают: от беспрекословного подчинения местные власти переходят к активным действиям, сознавая себя (наконец-то!) хозяином территории.

Довершает «экологический удар» Тюменский облисполком, приняв четкое и конкретное решение:

«Приостановить производство работ по освоению Бованенковского газоконденсатного месторождения до завершения разработки технико-экономического обоснования с комплексным подходом к проблеме и обязательным учетом влияния стройки на окружающую среду и полной компенсацией ущерба, наносимого газовой промышленностью хозяйству проживающего здесь коренного населения».

Что такое «приостановить»?

Что мы увидим назавтра, после того как принято исполкомовское решение? Застыли машины, агрегаты, притормозил путеукладчик, не слышно гула буровых? Тишина над необъятными просторами, а соответствующие недальновидные министры, убитые тюменскоисполкомским коварством, пригорюнившись, сидят в кабинетах в позе обомлелых роденовских мыслителей?

Конечно, нет, стройка не консервируется, но ей дается время на размышление — осознать себя, еще разок задуматься о перспективах: переть напролом или заметить вокруг себя родную до боли, единственную землю.

ТУПИКИ ОСВОЕНИЯ

Лечу в «голову укладки» и вспоминаю былые переживания. Вот так же совсем еще недавно магистраль стремилась на Уренгой, на Ямбург. Жадно, замороженно всматриваюсь в те времена... Спешила вперед стальная строчка рельсов, и, когда она обрывалась, становилось жалко — эх, медленно движется, скорей бы вперед, еще вперед.

Сегодня почему-то привлекают не упрямые рельсы, не четкий, как стихотворный ритм, перебор шпал. Как чувствует себя все, что вокруг: озера, речушки, скудные полярные колки, завлекательно-зеленые провалы болот, желтовато-розовые полянки морошечника? Кажется, все опрятно, но вон веер грубых шрамов — вездеходных следов, черное месиво, мертвый зев оттаявшей вечномерзлой жижи. Пополосована тундра свирепо. А это лишь начало... И ведь это еще только предгорья — твердая почва под ногами, дальше пойдет тундра без прочной горной подкладки — зыбучая, ненадежная твердь.

Вспоминаю, о чем беседовал с теми, кто прокладывал трассу на Уренгой, кто стремился на Ямбург. «Подводит звеносборка». «Посмотрите на наш быт — в Клондайке условия были лучше». «Путеукладчик времен первого Транссиба и премьера Витте». «Вручную, правофланговые пятилетки, бьем шпунт». Наверное, и сегодня эти проблемы серьезны, важны и насущны, но почему-то не о них тянет подумать и задать вопросы.

Предгорья Полярного Урала — места замечательно красивые. Меня северные горы волнуют, как праздник, а здесь они рядом — вот плавные увалы, а за ними остроконечные вершины: гордый Саурей, насупленный Тайкеу,

строгий Оченырд, основательно-одиноким Константинов Камень. В предгорьях особый воздух: сошлись горная чистота и вольный тундровый простор.

Трассовый поселок Светлый угнездился на горной россыпи, окруженной зеленым морем мхов. Горы придвинуты близко, заманчиво блестя серебристыми сединами нестаявших снегов. В Светлом устроились механизаторы, сыплют насыпь из недалекого карьера, ладят водопропуски. Меня знакомят с бригадиром перводесантников Николаем Сахно. Крепкий парень, он командовал теми, кто высадился на голый плацдармик, начал чистить площадку под этот, сейчас уже уютный, полевой городок с широченной улицей. Ловлю себя на мысли, что на уренгойской или ямбургской трассе начал бы расспрашивать его про героический быт первопроходцев: как устраивались, как преодолевали неизбежные трудности, как коротали время. Сейчас из головы не выходят другие вопросы и, слава богу, Николай им не удивляется.

— По мне,— отвечает,— я бы эту «железку» не строил. Хватило бы хорошей автодороги. На Бованенково, понятно, грузы будут, а оттуда? Только вахты возить? Накладно, наверное. Лишняя дорога. Зато затраты какие! Километр — три миллиона рубчиков стоит. По-старому думаем, не мозговали: земля, мол, чужая, миллионы казенные.

— Обидно же будет, если стройку прикроют?

— Хороший-то автопроезд на Бованенково нужен. Дело б нам нашлось. Конечно, сделанное не омертвлять, до Паюты, скажем, дойти — и все: тупиковая станция, а дальше автотрассу жать. Тундры много потоптали, провалили, порушили. Зачем усугублять?

Николай не ученый-проектировщик, специальных разысканий не делал, его соображения здравый смысл подсказывает. Возможно, чего-то он не знает, но и проектировщикам бы не грех почаще на здравый смысл оглядываться. Николай — бывший бамовец, на Ямал прибыл с Украины, там два года занимался зряшным делом: собирался перегораживать плотиной Днепровский лиман. Понял, что попал в авантюрное предприятие, решил махнуть на «настоящее дело».

— А здесь тоже авантюризмом попахивает?

— Попахивает-попахивает,— вздыхает он.— Не стоит «железку» дальше гнать. Вон перед речкой вся летняя отсыпка провалилась, приходится решетку снимать, переделывать.

Он рассказывает, как в бригаде борются с теми, кто ненароком портит тундру. Один молодец напрямик по тундре погнал бульдозер в озерце выкупать. Выкупать-то выкупал, да на обратном пути застрял. Пока вытаскивали, такую трясику развезли... Молодца с бульдозерной работы сняли, заставили платить, но то, что порушено, не восстановишь. Да, хорошо, что этой бригадой командует человек, понимающий важность бережного отношения к природе и умеющий проявить принципиальность. Симпатично, конечно, что рабочий без всякого ведомственного пафоса задает себе серьезные вопросы и имеет собственный ответ на них. Прекрасно, что встретил я на трассе Колю Сахно, но хорошо понимаю, что здесь далеко не все такие: потихоньку делают свое дело, зарабатывают свои рубли вроде честно, но и не задумываясь особо, нужна ли дорога или можно подумать над другим, более приемлемым вариантом. Им сказали: «Надо!»

Увозил меня из Светлого главный инженер Ямалтрансстрой Владимир Александрович Линник. Разговор у нас с ним был посложнее: с подводными камнями, с дипломатическими экивоками и намеками. Чувствуется, что решение местных властей о «приостановке» главный инженер воспринял без особого энтузиазма, как некую дань сегодняшней экологической моде, настроениям излишне озабоченного северного населения. «Местная прихоть» осложняет положение Владимира Александровича как организатора производственного процесса: перспективы затуманились, срывается кампания заявок на будущий год, и, если не выбить дополнительные средства, некоторые коллективы придется расформировать: под куцую программу банк всех денег не даст. Как не понять главного инженера: сколько трудов стоило коллективы сформировать, наладить дело, выйти на опережение, а здесь приказ: «Вольно!»

Линник, впрочем, считает, что приостановка долго не продлится: проектировщики посмотрят альтернативы, но вернуться к прежнему варианту. Из элементарной геометрии известно: кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая... Он знает, о чем говорит: наша экономика все еще строится на такой элементарнейшей математике, которая завтрашний день почти не различает и не прогнозирует.

...В ту поездку я не встретил в Лабитнангах своего старого и, полагаю, доброго знакомого Владимира Григорьевича Нака, генерального директора объединения Ямалтрансстрой. Он находился в Москве, в министерстве, — на объединение свалились непредвиденные неприятности, все проблемы можно было решить только в столице. Шутка ли! Целое объ-

единение со всеми его субподрядчиками (семь тысяч человек!) могло оказаться не у дел. Думаю, мало кто завидовал на тот момент положению генерального. Запах банкротства... Это так непривычно для планового социалистического хозяйства. Тем более в эпоху хозрасчета. Тем более когда силу набирают строптивные советы трудовых коллективов.

Думаю, встретить я в тот момент Нака — толковый разговор у нас вряд ли получился бы: человеку сочувствовать надо, а не с экологическими идеями лезть. В тот момент выглядело бы это неделикатно: у руководителя земные, реально-зримые проблемы, а к нему с экологическими эмпириями...

Полагаю, что выручит меня газета «Тюменская правда». Право, заочный спор вести куда сподручнее... На одной газетной полосе сошлись-столкнулись два материала. В одном из них под примечательным заголовком с примечательным вопросительным знаком «Планируется штурмовщина?» мой добрый знакомый, генеральный директор объединения Ямалтрансстрой, жаловался на свою горькую судьбу:

«Мы хотя и не очень быстро, но приближаемся к Бованенковскому месторождению. Однако заказчик предупреждает, что плата за перевыполнение производиться не будет».

Генерального не устраивает, что заказчик оплатит ему ровно сто процентов плановых работ, начинается привычное запугивание: «...без «железки» освоение полуострова немыслимо». Как деликатен, вывод он формулирует без резких выражений: «...держат коллектив за руки — это по меньшей мере неправильно, тем более что противоречит постановлению правительства».

Не любит любое ведомство, когда власть Советов хотя бы робко пытается удержать

его за руки, ну а высокий государственный резон-аргумент отыскать несложно. Всякое противоестественное дело грандиозного замаха у нас имеет непреременный гриф «правительственного».

Не забывает руководитель Ямалтрансстроя осветить и «полосу светлых тонов» — то, что трансстроевцы все-таки успели сделать на полуострове: земляное полотно протянулось по тундре уже на 160 километров, а укладка верхнего строения пути — на неполную сотню. Производственная программа, несмотря на угрозы заказчика не оплачивать сверхплановые затраты, опережается больше чем на 70 миллионов рублей. Порадуемся за коллектив: 70 миллионов в эпоху хозрасчета — хорошие деньги.

Но вот заковыка... На той же полосе партийной газеты, в уголке, ниже статьи генерального директора, еще одна заметка «Исполком в... гараже». Оказывается, вот уже четвертый год после пожара райисполком в поселке Яр-Сале (это «столица» полуострова Ямал) размещается... да, да, именно в гараже, в гаражном классе местной школы-интерната.

Речь не о деталях. Мощное строительное объединение на полуострове Ямал перевыполняет свою производственную программу на семь десятков миллионов рублей, а в то же время единственная на Ямале власть в качестве официальной резиденции использует школьный гараж. В рамки здравого смысла это как-то укладывается? Кто должен жаловаться на свою горькую судьбину? Может быть, все-таки посочувствуем изгнанной на задворки многострадальной Советской власти? Наконец-то посочувствуем, задумаемся, для чего мы ее завоевывали, удерживали и утверждали?

Понятно, что наш изощренный ум всегда постарается подыскать приличное объяснение: не обязан-де Ямалтрансстрой возводить «белый дом» для исполкома. У него иные, государственного (непременно!) ранга задачи. Но куда ж мы зашли в ведомственном расслоении общества: миллионы лихо отваливаем на непродуманное (может, никому и не нужное — еще точно не определили), «сырое» строительство, в то же время не находя гражданской гордости, чтобы выделить крохи, дабы окончательно не уронить престижа Советской власти!

Боюсь, что мы попросту отвыкли удивляться собственным элементарно нелогичным действиям.

СТАТУС ТУНДРЫ

Я, кажется, слишком долго подбираюсь к теме. На «экваторе» очерка пора бы признаться, что главные герои на этих страницах еще не появились. Может быть, не столь герои — сколь главные жертвы освоения. Ямал — поистине оленеводческое государство: в четырех его совхозах (лучших в окружном агропроме!) — «Россия», «Ямальский», «Байдарацкий», «Ярсалинский» — выпасается полтора ста тысяч оленей, еще несколько десятков тысяч наберется в личных стадах тундровиков. Ямальское стадо, говорят, равно оленьему стаду северной страны Финляндии. Обильны, ничего не скажешь, здешние ягельники, да безграничны ли?

«В связи с обустройством Бованенковского месторождения, строительством железной дороги, трасс газопроводов, установок комплексной подготовки газа, компрессорных станций

будет полностью выведено из пастбищеоборота 587,5 тысячи гектаров. Это приведет в начальный период обустройства — в течение 5—7 лет — к сокращению основного поголовья и более 10 тысяч голов оленей, находящихся в личном пользовании. На полутора миллионах гектаров охотугодий будет прекращен охотничий промысел, нанесен значительный ущерб рыбным запасам.

Ежегодно потери продукции оленеводства и охотпромысла составят 3,8 миллиона рублей. Кроме того, убытки от ликвидации основных средств составят 2,5 миллиона рублей. Совхозы ежегодно теряют прибыль более 1,5 миллиона рублей. Перспективный же ущерб (просчет на 50 лет вперед) грозит превысить 2 миллиарда рублей в нынешних ценах».

Такие цифры прозвучали на заседании Государственной экспертной комиссии при Госплане СССР.

Опасаясь: каждый ли поймет, о чем речь.

— Тундра? Да кому она нужна — бесплодная, пустая земля?

Стереотип о безжизненной, ледяной пустыне складывался у нас со школьных лет. Но на самом деле это не мертвая, а живородящая земля и, как всякая земля, — кормилица. Ее ягельники — прекрасные пастбища для оленей, неисчислимы озера и речушки богаты рыбой, песчаные холмы ископаны песцовыми норами. Летом тундра прямо-таки стонет от птичьего обилия. Поживший в северных краях оставляет на этих вольных просторах свое сердце. Бережения и чуткости требует сурово-нежная земля.

...Чувство удивления до сих пор не покидает меня, хотя разговор с бывалым трассовиком вроде ничем особым не отличался. На трассу очень знаменитого газопровода Урен-

гой — Ужгород он перебрался с Тамбовщины, и с естественной северной гордостью я поинтересовался: «И как? Трудновато в Приполярье?» Ответ почти подразумевался: «Понятно, трудно».

Вот здесь трассовый ас меня и поразил:

— Почему труднее? — искренне возразил он. — Напротив. На Большой земле как? Туда — пашня, сюда — сад, там — дорога, здесь — парк. Развернулся неумело, вылез из отведенного узкого коридорчика — плати штраф. А здесь — такой простор! — Он махнул рукой, крылато очертив пространство дальней тундры. — Хочешь — туда, хочешь — сюда, и не единого контролера на сотни верст. Мечта, а не работа! А морозы.... — он залихватски отмахнулся, мол, стоит ли это внимания серьезных людей.

Я глядел на жидковатый, по-полярному скудный ближний лесок, на необозримо бесхозный простор тундры и впервые для себя задумался: а действительно, кто хозяин у этих пространств? Хозяина-защитника в окоме не наблюдалось.

Конечно, хозяин у северотюменской тундры имеется — зверооленоводческие совхозы Ямало-Ненецкого автономного округа. И не сказать, что плохие хозяева: даже в условиях интенсивного промышленного освоения края труженики северного села со своими задачами справляются. А ведь за годы героического освоения нефтяных и газовых территорий (три последних пятилетки) у хозяев безвозвратно отторгнуто ни много ни мало 6 миллионов (!) гектаров пастбищ. Лишь малая толика этих площадей использована под стройплощадки, дороги и коридоры транспортных коммуникаций. Все остальное безжалостно потравлено, сожжено, исковеркано, уничтожено, заляпано

мазутом и нефтью. Кто спорит, что новые города, газопромыслы, автотрассы на севере необходимы, да больно уж сопутствующий индустриальному «навару» экологический убыток несоразмерно велик. Как не создаться впечатлению, что тундра беззащитна перед промышленным пионером? Угнетает безусловность индустриально-освоительских приоритетов, некая второстепенность, второсортность сельскохозяйственного производства в сибирских высоких широтах.

До сих пор по-доброму хотели жить со своими могучими соседями сельские тундровики, не торопились со штрафами да санкциями. А получается — мирились. За полтора десятка лет не добились, чтобы нефтегазовые магнаты не дешевыми шефскими подачками отделялись, а платили сполна, по четкому счету, как там — на тамбовской ли, на рязанской ли, — на Большой земле за каждый гектар, за каждую сотку. Ведь, признаемся честно, деревенское долготерпение, всепрощенчество порождало эту долговременную тундровую вольницу, северный экологический разгул и разбой.

Не первый год идет освоение Тюменского Севера. Много доброго принесла стране его невиданная эпопея. А самой северной земле? Только шрамы, только раны. Скромные люди, сельские труженики тоже не очень-то активно защищали свои вроде бы кровные владения, стесняясь, считая, что не следует мешать масштабным первоосвоителям.

...Недавно узнал, что гектар тундрового пастбища стоит (если его вывести из строя) всего пять рублей с копейками.

Почему же у тундры нет статуса государственной ценности? Или чужая земля — земля дешевая? Приходилось слышать: «Главное бо-

гатство тундры — олени». Наверное, сказано неточно: богатство — сама тундра. Останется, сохранится она — останутся и олени, останется и северная самобытность. В нашей стране особо беззащитным предоставляются особые привилегии. Полярные тундры беззащитно открыты, поэтому так нуждаются в защитном статусе-обереге.

Кому тяжелее достается освоение — тому, кто его начал и ведет, или тому, кто его вынужден пережить, переживать? Директорский корпус четырех ямальских совхозов — настоящие зубры, проработавшие здесь не по одному десятку лет: Николай Дмитриевич Кугаевский, Геннадий Николаевич Кадыров, Николай Андреевич Бабин, Валентина Александровна Вахнина. Я часто встречаюсь с ними, беседую, веду «круглые столы». Прекрасно помню их первую реакцию, когда стало известно о начале изыскательских работ на Ямале: бывалые мужики, выдержанная Валентина Александровна были откровенно напуганы. По их представлениям, казалось, приходит время апокалипсиса оленеводческого края. Только Бабин, который пережил горячее время освоения Уренгоя, работая в совхозе «Пуровский», воспринимал события спокойнее, помня, что у освоения бывают свои пики и спады. Но у директорских тревог — приведенные цифры демонстрируют это — очень уж весомые резоны.

...Среди белых льдов, вблизи от низменных берегов Белушьего носа, бросили якоря три крупных морских транспорта. Буровики, заказавшие корабли, поторапливались — в Арктику стучалась весна, ледовый причал держался последние недели. По пробитой в торосах дороге-ледянке побежали крупные грузовики — тысячи тонн габаритного оборудования предстояло выгрузить за считанные дни.

Кто упрекнет буровиков, что в тяжелых арктических условиях они сумели выполнить боевое задание и усыпали тундровый берег россыпью контейнеров, ящиков, пакетов, металлических конструкций? Захват плацдарма — так по-боевому называли подобные героические операции еще недавно. Как-то забывалось, на чью же землю высадились полярные герои. Да и новые освоители всегда ли догадываются, что они работают хотя и на общесоветской, но все же конкретно не им принадлежащей земле?

Директор совхоза «Ярсалинский» (здешний карский берег — его угодья) Николай Дмитриевич Кугаевский о десанте буровиков узнал едва ли не последним.

— Нанял вертолет облет сделать. Не узнаю знакомую тундру. Через десяток верст — новые палатки изыскателей. В каждой партии — вездеход, куда хотят, туда и катят. Независимый народец.

— Я в тех местах тоже проезжала, — добавляет Валентина Александровна Вахнина. — В упряжке у меня четыре оленя. Вдруг как в ущелье попала. Овраг, что ли? Спрыгнула с нарты. Рядом такая же рытвина тянется. Да боже ж ты мой! Это не овраг никакой, а колея. Какая ж машина здесь прошла, если в ее колее все мои упряжные олешки по холку скрылись?! Что от нашей тундры эта махина оставит?

— Я на байдарацком побережье для охотников хорошую промбазу сделал, — темпераментно жалуется директор «Байдарацкого» Бабин. — Приличные затраты сделал. А мне говорят: «Изволь перенести, железной дороге мешаешь». Три корáля * новых построил, столь-

---

* К о р а л ь — загон для оленей.

ко мучился, а оказывается — тоже мешают. У фактории Глухаринной нефтеразведчики подбазу приткнули. Нас никто не спросил. Почему все время я под них должен подстраиваться, а не они под нас? У них дело, понятно, государственное, а у нас что — частно-личное?

Услышишь эти горестные жалобы, задумаешься: кто же в тундре хозяйничает? Промышленные освоители уверенно-безудержно идут по северной земле, как по ничейной, бросовой. Вопрос вот в чем: почему хозяева недр — газовики диктуют условия хозяевам тундры — сельским труженикам? Почему не наоборот?

Промышленные освоители ведут себя в тундре порою, как во вражеском тылу, где противнику надо нанести как можно больший урон. Если строят нефтебазу, то обязательно придвинут ее к берегу рыбной речки. Где можно одной колеей обойтись, проложат десяток, где обещали капитальный дом построить, раскинется море халупок-балков. Рушат тундру едва ли не с изуверским наслаждением. Только геологи, а это еще маломощный отряд освоителей, уничтожили на полуострове Ямал около трехсот тысяч гектаров оленьих пастбищ!

Куда, как в подобных случаях говорится, смотрят милиция и прокурор? Ведь залезь в наш с вами личный огород злоумышленник, мы — жердь из плетня и ну гнать порушителя.

— Я как-то обратилась в милицию, — суровоет лицом Вахнина. — Неизвестные вездеходчики пограбили вандеи оленеводов. Вандеи — своего рода склады, только в тундре не принято сторожей ставить, на доверии все держалось. Пастухи искони привыкли: зимние вещи пакуют в нарты и оставляют в тундре на приметных местах. А освоители, разоряя вандеи,

грабят тундровиков. Обратилась в милицию. Там меня приняли со смешком, мол, о краже надо немедленно сообщать, ваши же олениводы ее поздней осенью обнаружили, а след вездехода летний. Начальник милиции мне присоветовал: сама, мол, ищи. Пойду я к нему еще разок?.. А вандеи продолжают грабить. Раньше у тундры закон был — честность, а нынче, выходит, хватай все, что плохо лежит?

В районе Нового Порта кто-то из строителей кощунственно надругался над захоронениями на национальном кладбище. Подозреваемые есть, но раскрыть преступление милиции оказалось не по силам. Много ли сотрудников в райотделе? И нет у них вертолетов, вездеходов. А в распоряжении первопроходцев техника всех калибров и скоростей.

— Ищи ветра в поле, — напоминает недавний случай Кугаевский. — На брошенной буровой полсотни наших оленят нализились какой-то химической мерзости — буровички оставили. Телята все передохли, а иск мне предъявлять некому.

Даже если тундровый нарушитель найден, что с ним делать? Предъявлять штрафы, санкции? Но штрафом не вернешь к жизни утраченный ягельник, не заселишь порушенные песцовые норы, не очистишь изгаженный берег речки, умертвленное озеро не оживишь.

— Они все готовы штрафы платить, — объясняет Вахнина. — Они, по-моему, эти штрафы прямо в проекты закладывают. Но я из голого штрафного рубля важенку не выращу, песка не выкормлю. Нам нужно, чтобы эти деньги не в штрафы закладывали-переводили, а в грамотную стратегию, чтобы лишнего гектара у тундры не отнять.

Вчерашние острые страхи у гвардейского директорского корпуса нынче попритихли, на-

чинают играть свою роль радикальное решение окрисполкома, запрет облисполкома — сегодня промышленным контрагентам придется искать пути взаимопонимания и сотрудничества.

Не будем, впрочем, впадать в умиление, в идиллические тона. Процесс лишь начат. А в эпоху хозрасчета нет особых меценатов, которые бы удорожали свои программы, помогая сельчанам-соседям. Ростки надежды на доброе сотрудничество не устраняют тревоги. Совхозные проблемы не решались десятилетиями. И вдруг — вот он, редкий шанс мгновенно снять с плеч тяжкую долголетнюю ношу, одним махом залатать застарело-вечные прорехи. Соседний магнат искусительно предлагает и клуб построить, и сельскую больничку отремонтировать, и деревенскую улицу асфальтом покрыть, и производственный цех возвести, и заваливающуюся котельную реконструировать.

И как у замотанного бедолаги директора не возникнуть соблазну: согласиться на подачку. При нашей-то, мол, нищете мечтать о блестящих дворцах, когда можно остаться с носом в своих вековечных хижинах. До журавля ли в небе? Пусть самое малое, пусть униженно-жалкое, но реально осязаемое, синичка в руках. Пусть будущие решат, как могут, мы решили, как могли. А могущественный злодей хорошо помнит про свои неотразимые козыри и, прельстительно улыбаясь, готов резво пустить их в ход.

Эх, не дрогнули бы тундровые гвардейцы, поняли бы, что у них есть шанс не просто прорехи на кафтане заштопать, а решить проблемы системно и перспективно, заботясь о своем народе и вечной земле.

КРОВЬ НА ЯГЕЛЕ

Недавно удалось мне завернуть в Белоярск, на центральную усадьбу зверооленоводческого совхоза «Байдарацкий», в бабинское хозяйство. Знакомого директора на тот момент в деревне не оказалось, но и без него специалисты сумели убедить, что отстававшее хозяйство медленно, но верно идет на подъем. У энергичного Бабина все наперед привычно рассчитано, он и на большое дело смело идет, но и копеечным не побрезгует. Конечно, новые, могущественные соседи не очень-то спешили принимать его в расчет, но он, гордыней не обуюян, сам напрашивался в гости и, сегодняшние свои планы продумывая, соседские перспективы учитывает цепко. Хочет в Белоярске расширить коровник, хотя на центральной усадьбе в летнее время, когда интернатские воспитанники разъезжаются по родительским тундрам, существует проблема со сбытом молока. Но, съездив в Лабытнанги, Николай Андреевич договорился, что транспортные строители помогут и коровник расширить, и лишнее молоко забирать. Легче искать нынче и оптового покупателя на иную совхозную продукцию — одежду и обувь из оленьего кожсырья. Байдарацкие шапки, куртки, меховые жилеты, шерстяные спальники строители, трасовики, полевики забирают большими партиями, совхоз не тратится на транспортные расходы.

Из зверооленоводческого неконкурентоспособного сырьевого придатка Бабин упорно старается сделать агропромышленный комплекс, включающий в себя и перерабатывающие производства. Раньше сдавал рыбу в сыром виде, сейчас устроил (примитивную пока) копильню: жирнящих щекуров коптит! В строя-

щемся комплексе-корале две просторные комнаты отдает микробиологам, собирается экспортировать сыворотку оленьей крови — ценнейшее лекарство. Тонна сыворотки — сто тысяч рубчиков прибыли, а раньше (на нее после Чернобыля внимание обратили) оленью кровь за медный пятак на звероферму пускали. Рядом с рыбокопильней наострился устроить цех для копчения оленины — соседи из Коми республики давно из копченой оленины деликатес делают! На Ямале же это пока неслыханные дела. Организовал Бабин и сбор оленьих пантов, продал три центнера оленьих рогов, завел счет в Агровнешбанке, хочет купить итальянскую мини-линию по производству... мороженого. Да, да, чтобы летний избыток молока пустить в дело.

Он входит во вкус — все, оказывается, можно поставить на рентабельную ногу. Сельское, земное хозяйство — дело гибкое. Может тундровый труженик покряхтеть, попотеть, но приспособиться, поискать резерв в себе, в тундре. Вот и Валентина Вахнина, а уж как ей вроде не хочется, признается, что можно сменить маршруты касланий (кочевков) и вместо «олимпийских гонок» для оленей устроить нормальные маршруты для выпаса. Может, придется от одной-другой совхозной конторы на полуострове избавиться, но это лишь поможет рационализировать структуру хозяйства.

Повторю цифру: до прихода на полуостров Ямал освоенцы «успешно» истребили только в Ямало-Ненецком округе 6 миллионов гектаров хотя и скудных, но по-северному плодородных земель. По подсчетам специалистов, чтобы восстановить, рекультивировать один северный гектар, требуется не менее 10 тысяч рублей. Несложный подсчет: 10 тысяч, помноженные на 6 миллионов, дадут астрономиче-

скую цифру — 60 миллиардов рублей. Расчет упрощенный, его оспаривают. Но если это и не очень точный подсчет уже нанесенного ущерба, то эту сумму можно смело считать нашим долгом перед потомками. Ясно, что соленый полуостров в любом случае прибавит долга. Новая ситуация, безусловно, заставит покрутиться северодеревенские мозги. Но ни один крестьянский Эйнштейн уже не поможет, если не соблюсти одно неперемное условие: надо сохранить в целости оленье пастбища, рыбные речки, звериные норы, чтобы не повывелась рыба, не ушел песок, не исчез навечно из покалеченной тундры олень.

...На молодом сизом ягеле лежит белый менаруй*. Он уже затих, и ранка около шеи запеклась тонкой невинной корочкой. Белый олень — особый олень. «Самородный» — называют его ненцы. Его впрягают в праздничную упряжку, когда едут в гости к почтенному человеку, в упряжку счастливой невесты.

Этот самородный со смертельной ранкой на шее уже не повезет тундровую красавицу в стойбище нетерпеливого жениха...

Пастухи одиннадцатой бригады кружили тропу вокруг стада и наткнулись на застреленного оленя. Тот, кто убил его, видимо, заметил пастухов и не подъехал к случайно-даровой добыче. Бабин прилетел в одиннадцатую бригаду на следующий день. Найти браконьера не составило труда — след воздеходного «газона» привел в палаточный лагерь изыскателей Ленгипротранса. Бабин попросил изыскательского старшего собрать всех. Они собрались в «офицерской», самой просторной палатке — большей частью молодые ребята.

— Стали бы вы на колхозном лугу коров

---

* Менаруй — олень-вожак.

стрелять? — устало поинтересовался Николай Андреевич.

— Мы думали, дикарь. На БАМе домашних оленей нет...

— Разве дикие олени большими стадами ходят?

— Мы не знали.

— А если не знали, так зачем раньше времени винчестер поднимать?

Говорил, думая о том, что за этой крохотной группкой освоительного десанта пойдут основные колонны. Не палаточными отрядиками, а строймонтажными поездами, мощными механизированным колоннами.

Почему же пускают их в тундру, ничего не объяснив, не рассказав, не научив? Нивелир брать научили, а тому, что в живое стрелять нельзя, не успели. Когда же начнем учить не в бою, а перед боем?

— Договорились? — спросил совхозный директор после долгой беседы.— Север не заморская земля, законы здесь советские.

— Договорились,— весело откликнулся за всех долговязый парень, кажется, из тех, кто быстрее других забывает свои слова.

Бабин даже рот приоткрыл, чтобы еще немного пососветить, но говорить почему-то раздумал...

Добывая нефть, газ, мы решаем в первую очередь сегодняшние проблемы. Ущербляя, убивая землю, мы усугубляем проблемы наших детей и внуков, внуков наших внуков.

...Как-то в стойбище оленеводов на берегу Карского моря я услышал красивую, глубоко врезавшуюся в память фразу:

— Душа ненца завещана тундре.

Будь моя воля, я бы на полуострове Ямал создал совет старейшин. Нет, пусть там будут не одни умудренные ненецкие старики, но и

авторитетная молодежь, люди в зрелом возрасте. И всякий проект должен пройти строгую и взвешенную экспертизу экологических старейшин.

Я сам когда-то писал, что Ямал — полуостров сокровищ. В тогдашнем восторге я полагал, что все сокровища спрятали недра и задача человека разыскать и добыть их. Но главное сокровище Ямала — это его мужественный народ, столетиями обживающий эти суровые края. И наша задача — не только поклониться коренному северянину в пояс за сбереженную землю, но и всегда спросить его совета: ведь у него есть опыт этого многовекового бережения.

Много ученых специалистов занимаются проблемами освоения: найдут они в конце концов ключи от вечной арктической мерзлоты, разработают суперсовременные технологии добычи и транспорта газа, поднимут в воздух экологически безупречные дирижабли.

Но все это — прилагательное... И только человек — существительное. Он, его нужды, проблемы, мечты, чаяния, взаимоотношения. Значит, надо начинать с этики. Катастрофически не хватает новой науки — этики освоения. Науки простой и ясной, как мир.

Здравствуй, хозяин древней земли! Доброго здоровья, дорогой гость!

Здравствуй, тундра. Здравствуй, зверь, птица, ягель. Здравствуй, озеро и река. Здравствуй, арктический горизонт. Здравствуй, солнце.

Мы ищем здесь тепла для других — разве это разрешает нам обездолить кого-то, оставить хозяина без очага, дома, земли и солнца?

ТУНДРОВАЯ ЖАННА Д'АРК

Открываю дверь, над которой вывеска: «Отделение связи п. Лаборовая Приуральского района». В комнате полутьма. Широкая печь заслоняет два окна с мутными стеклами. Радистка за столиком стучит на аппарате, видимо, дореволюционного еще производства.

Где же здесь быть Анне? Глаза привыкают к полумраку, и у мокрой щелястой стенки вижу низенькую провалившуюся раскладушку, под невообразимо казенным одеялом свернулась клубочком женщина. Она была на ночной рыбалке, вернулась под утро, поэтому и почивает так поздно. У Анны белый, но не со сна, а нездоровый цвет лица: ей невозможно, недавно два месяца отлеживалась в Салехарде с воспаленными легкими.

Да, убогость обстановки поразит даже самого неприятельного человека. Потолок связистской конторки проваливается, угрожающе навис выпирающей штукатуркой, стена мокро сочится после затяжного дождя. На тумбочке две аккуратные бумажные стопочки — черновой вариант «Белого ягеля» и белые листы: она переписывает повесть набело. Почерк у Анны скверный, коли она начнет править, ни один криминалист-графолог не разберется, не говоря уж о привередливых сотрудниках издательств.

Анна Неркаги — молодая ненецкая писательница, известны ее книги «Анико из рода Ного», «Илыр». Пять лет назад она вернулась в родную байдарацкую тундру, в стойбище отца и мужа. Пять лет она пишет новую повесть «Белый ягель» — честную и жесткую прозу (я читал первый вариант), но никак не может закончить ее — у хозяйки чума слишком много забот, чтобы обиходить мужчин. До-

браться до писательского столика не всегда хватает сил. Нынешним летом Анна решила оставить стойбище, перебралась на ближнюю факторию Лаборовую, чтобы в более сносных условиях завершить наконец-то повесть.

Новая железная дорога минует Лаборовую, повернет в девяти километрах, но не минуют факторию, окрестных охотников и оленеводов проблемы, связанные с промышленным освоением.

Анна щупает промокшие на рыбалке носки (а где они могли просохнуть? — печка холодная, эта развалина дымит, топить ее невозможно), безнадежно машет рукой и обувает резиновые сапоги на босу ногу.

«Господи,— ужасаюсь я внутренне,— как же так, она ведь только переболела».

Анна заметила гримасу на моем лице, но говорит спокойно, тем же тоном, каким только что рассказывала о развалившейся печке:

— Я никому не нужна. Народ мой нищий тоже никому не нужен. Газ нужен. Нефть нужна. А мы — нет, мы не нужны. Нищие, безработные, мы разучились делать самое святое, раньше и у нас было богатство — мы всегда помогали друг другу, а теперь не умеем и этого. Нас выталкивают из интернатов, а выкарабкаешься или нет в жизни — официальным отчетам уже не интересно.

Я знаю ее давно. Она всегда говорит страстно, а сегодня отчужденно спокойна, почти равнодушна. Видимо, серьезно больна или бессонная ночь сказалась?

Уж и боюсь спрашивать: взорвется, как всегда, заболит больше.

— Как живем с новыми соседями-властителями? — продолжает она монолог. — Хорошо живем — устроили из Севера проходной двор и в упор нас не замечают. Видел, перед

деревней табличка наша самописная: «Въезд вездеходам строго воспрещен»? Гоняли, как чумные. Я бросилась одному наперерез, депутатским удостоверением трясу. Он из кабины выскочил — зверь зверем:

— Чего трясешь, депутатка, побереги документ!

А меня ведь и защитить здесь на двести верст некому. Бессильна я перед этим заезжим хамом, беспомощна, вот и все депутатство. Правда, с испугу я на него так заревела, что он перетрусил, повернул назад. Но разве это по-человечески? У Александра Федоровича Тайбери шесть детей, жена седьмого рождает, у него трассовики сетки сняли, заготовленную на весну бочку рыбы украли. Чем он шесть ртов кормить будет? У Максима Масто-вича Салиндера авку убили, невод украли. В двух оленьбригадах зимние вандеи пограбили — оставили оленеводов на зиму раздетыми. Николаю Вылке и Ваньке Лаптандеру за рыбу и пыжики ящик «Тройного одеколона» удружили. Вот какие здесь нынче хозяева! С ними конец народу, трубка ненцам, — заканчивает она с прежним отстраненным спокойствием.

Анна драматизирует. Полагаю, как всякая впечатлительная натура, она все воспринимает излишне обостренно. Любой бывалый северянин скажет: когда освоенцы начинали, предположим, в Ноябрьске или в Уренгое, на Ямбурге, дела обстояли куда как страшнее. Здесь еще по-божески, если сравнивать с тем, что приходилось видеть раньше.

Но ей разве докажешь? Впрочем, стоит ли доказывать? Да почему и кого оправдывать? По-божески? Какой внутренний бог ведет первоосвоительного варвара, заставляет спаивать, грабить, воровать, унижать слабого? Есть ли этому оправдание?

Вот сидит она на провалившейся раскладушке с белым больным лицом и не кликушествует вовсе: народу трубка!

Чутко сердце художника, оно отзывается не только на ближнюю, нынешнюю боль, оно предчувствует, предощущает надвигающуюся, приближающуюся рану народа. Смертельную, она считает, рану. Не надо думать, что все понятливы, усвоили азы ленинской национальной политики и хорошо осознают национальный аспект освоения. Вспоминаю анекдотический эпизод: заместитель министра (не самый последний) газпрома на заседании Государственной экспертной комиссии умудрился заявить, что оленеводство на Ямале ведут пришлые русские, он самолично-де летал и никаких ненцев на Ямале не видел. Как не поверить столь высокопоставленному очевидцу? Но я сам наличествовал в этой поездке с непоследним министерским замом. Мы попали в оленеводческую бригаду совхоза «Байдарацкий». Она состояла из коми-зырян. Зам же принял этих рослых, русоволосых коренных обитателей тундры за пришлых и сделал далеко идущий вывод: мол, за счет газпрома свои проблемы, выдавая их за национальные, намерен решить северный агропром. Вот каков уровень министерских обобщений на почве «личных наблюдений»!

Я прихватил с собой карту Ямала, на ней пятна месторождений, пунктиры железных дорог, линии газопроводов, кружки газопромыслов. Ловлю себя на мысли: железный корсет накинута на живой полуостров.

— Правильная карта,— неожиданно хвалит Анна.— Все есть, только ненцев нет и нет оленей. К этому все идет, правильная карта.

Ее спокойный тон страшит: в нем безысходность, для нее как бы погас последний

луч надежды. Еще недавно она была лихорадочно взвинчена, возбуждена, считала, что все можно переиначить, стоит только приложить силы. Неужели вконец опустились руки?

«Почему сразу началось строительство дороги? — пришлет она мне позднее свои заметки «Ямал — последний оплот?».— Что она даст местному населению и что она возьмет взамен? Пока же мы видим, что она не дает нам ничего, кроме бед. Мы уверены, что через 20—30 лет железная дорога станет мертвой. И мы спрашиваем: не слишком ли велика цена? Самое страшное бедствие, которое коснулось нас в результате промышленного освоения Севера,— это безработица. Более тысячи безработных у нас в тундре — это грубая статистика. Молодые, грамотные, здоровые люди в возрасте до 30 лет не имеют работы! И с каждым годом число их растет. И при всем этом от нас требуют резкого сокращения поголовья оленей, которые служат нам единственным источником благополучия! Самый настоящий ужас охватывает нас при мысли, что при разработке карьеров, при проведении ниток газопроводов и железной дороги, во время взрывных работ может выйти на поверхность старейший вирус сибирской язвы. Мы, коренные жители Севера, требуем дать нам возможность жить и работать так, чтобы ни мы сами, ни наши дети не были бы у жизни иждивенцами, чтобы мы могли сохранить наше национальное достоинство. Оправдана ли такая большая жертва, как социальная смерть народов Севера? Ради чего мы должны уступать свою землю, жертвовать будущим своих детей?»

Гласность проявила проблемы, которые замалчивались годами, десятилетиями. Национальная политика на Севере рисовалась одно-

тонно-розово. Но система просвещения отрывает детей тех же ненцев от семьи, в результате, губя национальную самобытность, перерубая корни духовности и традиционной культуры, начинает свирепствовать «молодежная безработица».

Анне больно.

Она, тундровая Жанна д'Арк, давно почувствовала себя голосом родного народа...

Она права в своей боли и крике. Нам давно пора понять, какую тревогу породило освоение в душах и сердцах тундровиков.

Говорят о компенсационном строительстве, о том, что нужно строить промежуточные базы на путях оленьих касланий, облагородить базовые поселки совхозов, наладить самолетное сообщение, почту, медицинское обеспечение.

Но в первую очередь не следует ли снять в этих растревоженных душах страх? Как? Посулами, пряником надежды? Нет, наверное, нужно реальное дело. Два с лишним десятилетия интенсивно осваивается территория нефтегазового комплекса Тюмени. А что за этим уродливо-куцым термином «нефтегазовый комплекс»? Просто родовая земля ненцев, хантов, манси, селькупов. Они многого ждали от эпохи освоения — решить застарелые проблемы, на новом уровне войти в новое время. Они обманулись в ожиданиях, ибо нефтяники, газовики решали промышленно-добычные проблемы и мало делали (но много и громко обещали) для коренных жителей этих мест. Каждая новая большая стройка — новая надежда. И очередной обман, крах очередной иллюзии. Потому так беспросветны речи тундровой писательницы, так черны ее обиды, так безысходно ее душе.

— Обещают что-нибудь с квартирой? — перевожу я разговор на более земные темы.

— Бурцев обещал дом построить, но еще ни одной палки не завез,— хмуро роняет Анна. Позднее в Салехарде зайду к Бурцеву.

— Зачем такая безысходность? — заторопился секретарь окружкома партии.— Зачем беспросветное отчаяние? Мы договорились с Масловым, управляющим трестом Севстроймеханизация, они поставят в Лаборовой двухквартирный домик: одна половина — кабинет для Анны Павловны, вторая — библиотека-читальня для приезжающих тундровиков.

— Дождется Анна?

— Договорились, к концу года домик сладят. Маслов пока нас не подводил, слово держит. Даже если не в срок, то реально начало следующего года, ждать осталось недолго.

Наличие кабинета излечит ли все боли ненецкой писательницы? Анна пишет рассказ, как деревенские собаки загрызли человека. Сама она трепетно относится к собакам, пес в тундре — первый товарищ человеку. Но у жестокого хозяина и друзья жестокие.

Жестокий рассказ.

Но разве она что-то выдумывает?

...Я пишу о тупиках освоения. Их немало, то в одну, то в другую проблему утыкается этот не очень управляемый процесс. Но не нужно быть особым оптимистом, чтобы уверенно утверждать: освоение из всех тупиков рано или поздно, с приостановками, остановками и даже консервацией, выкарабкается на магистраль и благополучно докатится до конечной цели — «Газ Ямала». Слишком государственно важна задача, чтобы плутать по тупикам.

Боюсь, что в тупике окажутся коренные хозяева этих мест. Практика индустриального освоения еще не дала ни одного примера, чтобы могущественные нефтяники, богатые

газовики, щедрые строители начали не со своих объектов, а с кардинального решения проблем тех, на чью землю они пришли. На Ямале практика повторяется, нюансы не играют существенной роли.

А первый пример мы основательно подзабыли: первые большевики, пришедшие в тайгу и тундру, начали со слов ленинской правды, справедливости, грамоты, с идеи артельного труда, коренного переустройства социально-экономического уклада. Через шесть десятков лет вновь появляются призраки безработицы, нищеты, ущемление национальной самобытности и вместо делового сотрудничества громко рекламируемая, но неэффективная благотворительность...

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МАЗУРКА

Общественность победила... Как хочется поставить восклицательный знак! Но даже отточие вряд ли уместно, в лучшем случае напрашивается знак вопроса.

Что такое общественность? Сегодня — сила, завтра — лишь легкое брожение в умах. Сегодня отыщутся инициаторы и энтузиасты, а завтра — только бессильный, аморфный самотек. Не хочу приуменьшать ее влияние, но общественность — это все же не организация, зато ведомство — коллектив, сплоченный общим, конкретным интересом. Вот в чем еще разница: ведомство, если теряет, теряет ощутимо и сразу. А общество, общественность? Их потери, как правило, в будущем. Да и какая «расейская» общественность не утешает себя трусливой мыслишкой: «Авось пронесет»? Надежды и иллюзии надежд — надежное прибежище всегдашнего отечественного общест-

венника. А разве можно сегодня на легкие победы рассчитывать?

То, что всякое ведомство будет ловчить, вилять, дурачить,— спору нет. Сегодня у него есть силы и средства делать это мягче, гибче, без былой унтерпришибеевской прямолинейности.

...На эту конференцию в Надым я приглашен не был, хотя несколько своих статей по проблемам освоения Ямала опубликовал в центральных газетах и журналах, организаторам конференции они могли попасться на глаза. Не попались. А если и попались, наверное, тональность по вкусу не пришлась.

В Надым было приглашено много журналистов, не только наших, но и заморских. Иностранцы, наверное, что-то написали, но публикаций не видел, наши пока отмалчиваются. Поэтому буду ссылаться на мнение главного менеджера I Всесоюзной экологической конференции, заместителя министра нефтегазостроя СССР Ивана Ивановича Мазура, высказанное им в интервью «Большая Ямала» областной газете «Тюменская правда». Надо понимать, что замминистра — один из главных выразителей боли Ямала.

Вообще-то пора придумать термин поточнее, чтобы определиться. Есть «хомо сапиенс», есть «хомо акватикус» и масса других «хомо». Я бы предложил еще один — «хомо корпоративус» — «человек ведомственный». Для этого «хомо» существует собственная логика, свой образ мышления. Интервью Мазура — колоритный пример такого мышления. Во-первых, замминистра бесповоротно оговаривает право представлять не ведомственные, а государственные интересы: если народному хозяйству страны нужен газ, а министерство обустроивает газовые месторождения, то о каком отрас-

левом мышлении может идти речь? Выдумка так называемой общественности и безответственной прессы. Второй обязательный момент корпоративного мышления: запугивание.

— Что нам скажут те, кто придет после нас? Ведь центр страны сядет на голодный паек!

Вы уже испугались? Теперь понятно, кто же наш благодетель и радетель, кто спасет от топливного голода страну! Конечно, только Миннефтегазстрой.

А ведь И. И. Мазур не рискнул ответить на свой риторический вопрос: действительно, что скажут о нашей неразумной политике на Ямальском Севере те, кто придет после нас? Боюсь, вряд ли это будут лестные оценки.

Запугивание нагнетается: если сегодня работы приостановить, «мы снова окажемся абсолютно неподготовленными в экологическом плане». Так что передышка бессмысленна, министерство найдет чем заняться, но только не экологической подготовкой к освоению Ямала. Теперь настала очередь поплакаться: «...производство работ нашим министерством и так свернулось».

Не обходится любой ведомственный деятель без того, чтобы чувствительно не лягнуть местные Советы: «Хозяева положения не вошли в свою роль». Бессильной Советской власти можно также дать несколько высокомерных советов: «Механизм отвода земель должен регулироваться проектом, а не по принципу: кто сколько захочет». Амбициозный советчик уточняет, что проекты ему составляют ведомственные проектные институты: своя рука — владыка, сколько захотел, столько отведенной земли и запроектировал. Но и этого Мазуру мало: «Если сэкономил застройщик, пусть платят ему». Ему, то есть Миннефтегаз-

строю. Министерский аппетит растет. Значит, ненецкий оленевод должен заплатить благодетелю — нефтегазстрою, если он у него отнимет, скажем, не 1 миллион гектаров, а только 999 тысяч? Как понимаю, в этом случае Мазур рассчитывает не просто на оленеводческое спасибо, но еще и потребует денежную компенсацию: облагодетельствовал, лишний гектар тундры не изничтожил. Так, наверное, следует понимать и фразу о том, что пришло время «затягивать гайки». От затягивания ведомственных гаек все уже достаточно натерпелись. Невдомек заместителю министра, что он на северной земле не хозяин, а гость, ему бы следовало выслушивать советы, а не давать их с ведомственной высокомерностью.

Еще одна фигура ведомственной позиции: это не мы, это соседи. Не удержался от этого и товарищ Мазур: раны Ямала — «дело рук геологов и буровиков». Но он не будет корить соратников по экологическому варварству чересчур строго: «Обвинить их в варварском отношении к природе легче всего». Если нет конкретных причин для оправдания, всегда можно сослаться на нечто абстрактно-всевышнее: «К этому в большинстве случаев вынуждают обстоятельства». В ход очень умело пускаются глаголы безличного свойства и неопределенные местоимения: «Отставание в изысканиях, почему-то часто не хватает средств. А природоохранные объекты в титульных списках **проходят** по разделу не основных. По отношению к ним **используется** остаточный принцип выделения ресурсов».

Обрати внимание, читатель, на глагольные формы (я специально выделил их в цитате): холодно, отстраненно они вещают — при чем здесь министерство, какую роль в этом море «объективных причин» может играть персо-

нально тот же товарищ Мазур? Обстоятельства, они вынуждают, а средств почему-то — именно так! — «почему-то ... не хватает», и эти треклятые природоохранные объекты «проходят» — сами же, по собственной воле проходят — «по разделу не основных», и, естественно, по отношению к ним сам собой используется «остаточный принцип». Может, это все газетчик наколбасил? Но И. И. Мазур свое интервью публично нигде не дезавуировал. Значит, согласен с каждым словом, с каждой глагольной формой.

И мы с вами, дорогой читатель, попадаем в странный метафизический мир, где что-то происходит, но вроде все само собой, без видимых причин, а вальяжные министры и их замы при сем присутствуют как бы для соблюдения «государственного интереса».

Добьет искушенного читателя Иван Иванович своими мечтаниями: «Под ногами не найдется ни ржавого колеса, ни кусочка трубы. Все вылижем не хуже, чем на Аляске. Затем карьеры и отдельные площадки в тундре, пострадавшие в момент обустройства, рекультивируем и засеем ягелем».

Человечеству не известны опыты по засеванию тундры ягелем. Олений мох растет трудно, медленно, культурным разведением ягеля заниматься никто не пробовал. Но если замминистра захотел навести экологический глянец на порушенную строительными ордями тундру, почему бы ему, выдающемуся растениеводу современности, попутно не произвести переворот в селекции. Трофим Лысенко, как известно, «вырастил» ветвистую пшеницу, Иван Мазур, как полагаю, прославится тем, что засеет тундру ягелем.

Ведомство, министерство — вещь серьезная. Как всякие верноподданные граждане свое-

го государства, мы верим, что работают там серьезные, ответственные люди, особенно в верхних эшелонах, которые принято называть «эшелонами власти». Мы верим, а ведь нас-то порой принимают за простодушных дурачков, которых можно поить любым коктейлем, где густо перемешаны демагогия и откровенные сказочки, где крупницы истины растворены в мутном рассоле ведомственной лжи.

Ивана Ивановича Мазура я помню по Надыму двадцатилетней давности, где он начинал энергичным, умелым, расторопным прорабом. Уже тогда он подавал большие надежды и быстро вырос в крупного организатора строительных работ. Человек дальновидный, настойчивый, цепкий, он мог вытащить любую стройку из любой безнадежной ситуации. Свое место, как полагаю, Иван Иванович занимает достойно.

Но вся беда в том, что он — человек ведомственный и защищает интересы своих коллективов. Вот за эти интересы он будет (и, как видим, умеет) стоять насмерть. Но ведь при этом ущемляются интересы других людей, других коллективов. А эти сентиментальности в ведомственный кругозор не попадают. И остается продекларированная боль Ямала наедине с собой, без квалифицированного доктора, с робким фельдшеришкой под псевдонимом «общественность», которая может организовать, а может и остаться аморфной массой. Ведомство же умело прикарманивает государственный интерес и — будьте уверены! — в этот карман не позволит залезть никакой самой активной общественности.

Для чего собиралась экологическая конференция в Надыме? Споры нет, любой научный сбор впустую не проходит. Но сегодня домощенные ведомственные экологисты уразу-

мели, что нужно перехватывать инициативу, брать это небезопасное дело в свои руки, чтобы замазывать глаза общественности, пускать дымовые завесы. Деньги, чтобы откупиться, у них найдутся. Конференция в Надыме обошлась едва ли не в полмиллиона рублей. Но такая игра сегодня стоит свеч. Жирный ямальский куш министерство крепко держит в зубах, ведь Ямальская программа стоит не один десяток миллиардов рублей.

Какой-то остряк, вспомнив крылатые горбачевские слова о «профсоюзной польке-бабочке», назвал конференцию в Надыме «экологической мазуркой».

ИЕРАРХИЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сколь-нибудь здравомыслящий человек ныне не выступает против защиты природы. У экологии сегодня, как и у перестройки, не отыщешь явных противников. Но тем не менее и перестройка тормозится, а экологическая ситуация стремительно ухудшается. Противники перестройки и экологические оппоненты, в отличие от нас, громкоголосых краснобаев, забалтывающих любое благое дело, предпочитают не говорить, а действовать последовательно тихой сапой. У них репутация людей дела.

Почти невероятно, если прорвется на газетные страницы плохо замаскированный «экологист» с ярко ведомственным душком, выразит прекраснодушным слогом чьи-то скрытые помыслы-замыслы. Но непременно скромный фиговый листок экологического прикрытия не может скрыть глухого антиприродного нутра. Газета «Тюменский комсомолец» опубликовала такой вопль души ученого-специа-

листа, начальника тематической партии Всесоюзного НИИ строительства трубопроводов в Надыме В. И. Орехова. Он по совместительству член рабочей группы по экологии (I) Миннефтегазстроя СССР. Кредо миннефтегазстроевского эколога сформулировано четко:

«Кроме безусловно важной экологической проблемы сохранения Ямала (а как же без словесного прикрытия! — А. О.) существуют проблемы **более высокого иерархического уровня**, продиктованные закономерностями социально-экономического развития нашего государства».

Если вы внимательно перечитаете фразу да на досуге еще поразмыслите над ней, то вам станет ясен ее убийственно, каннибальски простой смысл: можно поступиться природой Севера, самим Ямалом, его народом. Может быть, действительно существуют какие-то высшие интересы, ради которых можно уничтожать моря, полуострова, народности? Что за нужда заставляет идти по костям северных племен? Неужели «закономерностью развития», как это считает новоявленный теоретик, являются арктические пустыни, которые мы после себя оставим?

Государство припутано автором исключительно ради красного словца. За высший государственный интерес выдается интерес ведомства, в котором — в рабочей экологической группе — трудится незаметный представитель корпуса «хомо корпоративус».

Но я бы сказал благодарственное слово ореховскому простодушию: он искренне выразил то, что тайно исповедуют его верные «товарищи по оружию».

И те, кто борется за соленый полуостров, за его выживание, должны помнить, что немало еще таких ведомственных ученых «эко-

логов», таких «хомо корпоративус», иерархом для которых является не человек, не земля, а интерес своего ведомства.

РОДИНА СЫНОВЕЙ

Что скрывать, мне нравится собственная безудержная смелость: без оглядки, размашисто пишу слово «колониализм», стыкую его с опасным эпитетом «социалистический». Слишком долго ведомства паразитировали на богатствах щедрейшего Севера, ничего практически не давая взамен. Сегодня на одной чаше весов миллионы тонн нефти, миллиарды кубометров газа, а на другой — нищие национальные селения, разоренные традиционные промыслы, высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни коренных северян, громадный ущерб природе — что это, как не приметы колониального подхода с самыми благими, социалистическими намерениями? Явление существует, правда, оно не исследовано, терминология не выработана, поэтому в первую очередь идут самые хлесткие определения. Клеймим неоколониализм в Африке, собственный — стараемся не замечать. А может, задуматься, не стала ли Сибирь действительно второй Африкой?

Наверное, определить явление, назвать врага по имени — это еще не все. С кем же вместе бороться против общего врага? И здесь мы столкнемся с парадоксом — сторонников-то следует искать во вражеском стане. Все экологические варвары — газовики, трассовики, буровики, строители — люди советские, надеяться, что к нам придут и за нас сделают — бережно, опрятно и аккуратно — японцы, финны, итальянцы или марсиане, наверное, нера-

зумно. Вопрос остается: если мы полагаем сообща вершить важное дело, должны ли только искать врагов или одновременно с этим вербовать сторонников?

...Я шел в «логово врага». Ведь к руководителям, возглавляющим мощные рабочие отряды первоосвоителей, нынче подход неоднозначный, чаще всего — настороженный, нередко — откровенно предвзятый. Это и понятно: если есть колониализм, то должны быть и колонизаторы. Такой руководитель — удобная, уязвимая мишень для критических социально-экологических стрел.

Вехи биографии лауреата Ленинской премии Игоря Александровича Шаповалова — Медвежье, Уренгой, Ямбург. Освоению Тюменского Севера отдана половина жизни, четверть века. Последние пять лет он живет в Надыме, перебрался сюда, чтобы возглавить новый главк — Главямбургнефтегазстрой, сегодня переформированный в специальное строительное объединение (ССО) Арктикнефтегазстрой. Направление главного удара ССО — полуостров Ямал, по существу, именно Шаповалов возглавляет освоение соленого полуострова. Игорь Александрович, усаживаясь перед моим микрофоном, понимал, что придется отвечать на не очень приятные вопросы, но согласился посмотреть на горячие проблемы освоения с ведомственной точки зрения. Наверное, наш разговор можно было бы передать и в авторском изложении, но, полагаю, жанр интервью (может быть, не очень уместный в книжке) все же полнее передает взгляды участников диалога.

Омельчук: Северной спецификой искони считались бездорожье, отдаленность, морозы, пурга, летний гнус. Однако сегодня «джентльменский северный набор» кажется легко пре-

одолимым. Куда труднее найти общий язык с общественностью, взявшей под крыло опеки нежные и ранимые северные тундры — основной плацдарм деятельности строителей.

Шаповалов: Специфика действительно меняется. Если вы помните, перед въездом в город Надым стоит памятник первопроходцам — вездеход на пьедестале. Еще недавно я считал: так и нужно. Сегодня, проезжая мимо, особенно если везу гостей, стараюсь скромный монумент не показывать: ведь на пьедестале должен не вездеход стоять, а простые оленеводческие нарты — транспорт настоящих первопроходцев. Ослепленные своим героизмом, собственными грандиозными делами, мы не заметили настоящего героя, настоящего первоосвоителя Севера. Вы правы, «зеленое движение» продвинулось к арктическим берегам, на Севере ему есть что защищать. Но экологическое сознание формирует не только подогретое общественное мнение. Одна из причин поворота к природе мне видится более глубинной. Первые добровольцы Тюменского Севера приехали сюда из разных городов, самых дальних весей государства, оставив родные места. Сегодня у них уже подросли сыновья, дочери. Родители готовы уехать, вернуться в квартиры-кооперативы, но для детей родина, отчий дом здесь, в Надыме, Уренгое, Лабитнангах. Здесь родная земля. Раньше мне ничего не стоило кликнуть клич: «Вперед, герои!» — и вездеходы кромсали тундру. Сегодня молодой вездеходчик не поторопится выполнить всякий оголтелый приказ. То, что для его отца казалось самоотверженностью, героизмом, для него — варварство и разгильдяйство. Мы растаем в Север, его раны — наши раны. Первыми боль этой земли почувствовали коренные северяне, но сего-

дня ее страдания понятны и «аборигенам» промышленного освоения, их детям. Отсюда накал страстей: спор идет не только на газетных страницах, в митинговых дискуссиях, а почти в каждой семье. На мой взгляд, это главный стимул пересмотра сложившихся стереотипов и приоритетов.

Омельчук: Вы человек ведомства, возглавляете крупное подразделение отрасли, хотите не хотите, должны выражать его интересы, принадлежите ведомству, как говорится, со всеми потрохами. В чем, на ваш взгляд, главный грех ведомственности?

Шаповалов: Да, мы сегодня клейменные, обязательные «варвары», порушители, «враги». Если даже стараешься сделать все возможное, в друзья природы уже не попадаешь. В чем грех? В эгоизме. Он бывает возрастным, классовым, сословным, растаскивают советское общество и по ведомствам. Сегодня на Ямбурге, к примеру, мы не можем поделить крупный жилой комплекс между газовиками и строителями. А ведь, казалось бы, друзья по освоению, сколько лет бок о бок трудимся. Конфликт идет от острой нужды — и им нужно, и у нас катастрофически не хватает. А что уж говорить о дальних соседях! Как говорится, и хотел бы в экологический рай, да грехи ведомства действительно не пускают. Дать «чужому» — это же отнять у «своего». А с ним работать... Вот и тягаешь короткое одеяло. Мы обоснованно просили под комплексное освоение Ямала 130 миллионов рублей на социальную культуру. Нам же выделили только 17 миллионов. А ведь потом мы и окажемся виновными — то не сделали, это... Все начинается с проекта, но у проектировщиков укрепилась пагубная практика — каждый новый проект должен быть дешевле. А он не может быть

дешевле, потому что удаляемся в Арктику, условия экстремальнее, транспортные подходы труднее, дороже каждая скважина.

Омельчук: Попытка оправдаться?

Шаповалов: Попытка нарисовать реальную картину.

Омельчук: Но вы понимаете, что экологическая общественность Тюменского Севера обоснованно считает именно ваше министерство главным врагом, главным разрушителем хрупких природных структур полуострова Ямал? Миннефтегазстрой СССР породил шлейф серьезнейших проблем...

Шаповалов: И в то же время правительство не собирается освобождать нас от задачи ввода новых газовых месторождений. Впрочем, как не понимать тревогу и боль общественности! Но не следует нам загонять самих себя в тупик. Или — или? А может, дано и третье, может, следует поискать альтернативы? Как известно, большой спор с административными последствиями разгорелся по двум вариантам прокладки железной дороги к Бованенково. Я как-то пригляделся к карте и заметил: все месторождения Ямала, начиная с Харасавэя, выстраиваются друг другу «в затылок», и, если провести почти ровную линейку, она выводит прямо к Ямбургу, к ябургскому коридору магистральных трубопроводов. В этом варианте, правда, придется форсировать не Байдарацкую, а Обскую губу. Зато мы заденем меньше оленьих пастбищ, газовый Ямал подпитает действующую систему, когда на спад пойдут гигантские запасы Уренгоя и Ямбурга.

Омельчук: Но ведь в отличие от безрыбной Байдарацкой губы Обская, по существу, является «роддомом» всего обского рыбьего благородья. Трубопроводный дюкер не станет ли бомбой в «роддоме»?

Шаповалов: Я не силен по части рыбных запасов, но знаю, что много дюкеров уложено и по дну Оби, и по другим рыбным рекам. На сезон прокладки, конечно, обстановка осложнится, но в ходе эксплуатации газовый дюкер серьезной опасности, по-моему, не представляет.

Омельчук: Вы предлагали рассмотреть шаповаловский вариант?

Шаповалов: Естественно. Но пока проектировщики загипнотизированы байдарацким, ведь все исследования проводились там, да и строительство железной дороги началось от Лабитнанг, проложены десятки верст железнодорожной колеи. Я же считаю байдарацкий вариант некомплексным, даже с нашей, ведомственной, колокольни. Во-первых, никто не задумывается о судьбе многониточной системы трубопроводных коммуникаций от Уренгоя и Ямбурга в дальней перспективе. Во-вторых, в Надыме сформирован крупный отряд строителей, подготовленных к работе в полярных условиях. Этот город должен стать опорным, базовым для ямальского освоения, но почему-то решено создать дублера в лице Лабитнанг, да еще ищутся варианты в Ялуторовске, Донецке, Подмосковье. Спешим, а от торопливости получается все тот же пресловутый тришкин кафтан, которого не хватает на всех.

Омельчук: Как понимаю, в вашем варианте дорога по западному побережью полуострова Ямал выглядит попросту нецелесообразной?

Шаповалов: Естественно. Но она, повторяю, уже проложена почти на треть. И на сей раз поторопились из очень правильных намерений, но не просчитав все варианты. По классическим строительным схемам все действительно начинается с дороги. На Тюменском Севере «железки» постоянно опаздывают. Опоздали

на Уренгой, на Ямбурге магистраль все еще работает не круглогодично, а как железнодорожный зимник. Стратегические остряки шутят: «Для чего нужна железная дорога на Севере? Чтобы, закончив освоение месторождения, с чувством исполненного долга в мягком вагоне уехать на Большую землю».

Омельчук: Газовые гиганты Ямальского полуострова будут, по существу, работать на экономику страны XXI века. Заложены ли в проекты технологические наработки будущего? Не тащимся ли в третье тысячелетие с грехами технологического застоя?

Шаповалов: Немного нового есть. Это супермощные газовые промыслы, которые позволяют экономить осваиваемую территорию, обходиться минимумом строительных площадок. С одного бурового куста на Ямале будет буриться сразу до десятка эксплуатационных скважин — это позволит пощадить сотни гектаров пастбищ. Оптимально выбирается транспортная сеть, чтобы не забирать земли под лишние дороги. Оказался очень уместным известный блочно-комплектный метод: для монтажа компактного оборудования не требуется много людей, места оно также занимает немного. Проблему отторжения земель помогли бы решить и трубопроводы повышенного сечения, скажем в 2000 миллиметров, но под такую трубу, к сожалению, пока не создано отечественной техники. Не разработана серийно и технология газопроводов повышенного давления. А экономия нескольких трубопроводных ниток сохранила бы не одну тысячу гектаров ягельников.

Омельчук: Дело идет к тому, что правительство, видимо, все-таки изменит срок подачи первого газа с Бованенковского месторождения: здравый смысл подсказывает, что

за оставшиеся неполные три года если и можно взять этот газ, то только основательно подорвав тундру. На ваш взгляд, нужна ли экологическая передышка?

Шаповалов: Если нам прикажут, мы сможем построить реактивный самолет в голой тундре... Но речь идет о целесообразности приказа. Если в силе остается срок — 1991 год, то это повышает затраты, и, конечно, все они за счет матушки-тундры. Здравый смысл подсказывает: в больших делах особенно не следует торопиться. Наверное, надо поискать ресурсы бережливости на Уренгое, Медвежьем, Ямбурге — на мой взгляд, обилие дешевого газа развращает потребителей. А передышка позволит проектировщикам, не торопясь, усовершенствовать сырой проект, довести его до приемлемого экологического состояния. Нам это время позволит создать надежный социально-бытовой задел на новых плацдармах. Но понятно, я не главный экономист государства, топливные балансы детально не знаю, не могу отвечать за правительство.

Омельчук: Игорь Александрович, у вас большой тундровый стаж, я тоже пару десятилетий работал на Севере. Можем мы представить себя ненецкими оленеводами? Сидим с вами на нартах, собрали амгари* перед дальним касланием и перед привычной дорогой думаем тягостную думу...

Шаповалов: Почему бы и нет! В тундре у меня есть хороший друг, бригадир оленеводов совхоза «Ярсалинский» Анатолий Вануйто. Мы вместе с ним пять лет представляли Тюменскую область в Верховном Совете России. Он меня все приглашает в гости, предлагает провести хотя бы одно полное каслание,

---

* Амгари — дорожные вещи.

посмотреть тундру в ее естественном величии. Это моя мечта, до сих пор пока не осуществленная. Тундра требует неторопливости, а у меня со временем — постоянный дефицит. Но встречи с тундровиками дают мне возможности понять их беды, боль.

Омельчук: Но очень уж тяжкая, невыносимая у нас с вами, ненецких оленеводов, дума. Земля родовая пропадает, гибнет. Весь же Ямал попадает в железный корсет трубопроводов, линий электропередачи, железных и автодорог, газовых промыслов, подводящих шлейфов, грязных буровых. Как выжить в этом окружении человеку с оленем, народу-олeneводу?

Шаповалов: Примирить эти два варианта действительно непросто. Вы же не будете отрицать, что стране требуется топливо, нужен газ?

Омельчук: Не буду.

Шаповалов: Тревожная дума обитателей полуострова понятна. Выход один: хорошенько продумать, как вести дело, какими методами, какими способами, чтобы нанести меньше ущерба. Может, и начинать-то надо с просчета ущерба, с возмещения этого ущерба.

Омельчук: Начинать со строительства не трубопроводов и газовых промыслов, а тех объектов для тундровиков, которые позволят им сохранить оленеводство, охотпромысел, рыбодобычу, не остаться безработными?

Шаповалов: Именно. Все долговременные компенсационные работы необходимо закладывать в технико-экономическое обоснование освоения, в проект освоения...

Омельчук: И построить «с барского плеча» пару бамовских домиков, школу, детсад?..

Шаповалов: Вас все тянет язвить? Нет, думаю, пора промышленного меценатства закан-

чивается, начинается сотрудничество на системной основе. Мы, например, приступили к выполнению обширной комплексной программы для совхоза «Ямальский», построим им новую центральную усадьбу на полторы тысячи человек в поселке Се-Яха, комфортную, с полным набором благоустройства и необходимых вспомогательных цехов. Знаю, что на системной основе начинают сотрудничество с совхозами «Байдарацкий» и «Ярсалинский» объединения Ямалтрансстрой и Уренгойгазстрой. С подачек, меценатства мы начинали сотрудничество с совхозом «Ныдинский», жизнь заставляет налаживать системные отношения.

Мы создали специальное экологическое строительное управление, в задачу ему поставлена рекультивация отработанных карьеров и полотен автомобильных «временок». В созданном проектно-конструкторском технологическом институте начала действовать экологическая лаборатория: в ней трудятся три кандидата наук из числа непримиримых, их непримиримость позволяет более взвешенно подходить к утвержденным проектам. На базе городского Дома природы создан экологический центр — это наше структурное подразделение, оно становится центром экологического воспитания тех, кому поручается работа на Ямале. Вводим систему талонов экологической безопасности. После обязательного курса обучения работник получает талон, если он уличен в природоохранном нарушении, то объявляется персоной нон грата, лишается работы, естественно, выселяется с Ямала. Экологический центр возглавляет большой энтузиаст Валентина Александровна Годяева, тоже из числа непримиримых природозащитников. Она зорко следит за обстановкой. Первые выселенцы уже появились, решение об их экологи-

ческой депортации принималось совместно с депутатами сельсовета в Се-Яхе. Это еще не полный комплекс мер, но, согласитесь, начало сделано.

Омельчук: Наш читатель наверняка подумает, что положение столь благополучно, стороны столь понятливы, что никаких проблем с освоением Ямала нет, их выдумали «зеленые» экстремисты...

Шаповалов: Любое благое дело можно представить в превратном свете. Делаются первые шаги. Возможно, они еще непоследовательны, куцы, но мы видим дорогу дальнейшего сотрудничества. На недавней окружной партийной конференции в Салехарде очень убедительно, страстно выступал, рассказывая о своих проблемах, директор национального педагогического училища Владимир Артеев: корпуса старые, разваливаются, помощи от Советской власти пока не предвидится. Я подумал: ведь в этом училище занимаются те, кто скоро будет учить родному ненецкому, хантыйскому, селькупскому языку маленьких тундровиков. Если дети знают родной язык — народ не исчезнет. Посоветовался со своими специалистами, финансистами, заказчиками: можем помочь? Решили, что можем. Сейчас разрабатываем программу сотрудничества, надеюсь, что скоро в Салехарде появятся новые корпуса для будущих тундровых просветителей.

Омельчук: Выглядит как еще одна социальная подачка.

Шаповалов: Если вам хочется трактовать добрые намерения как злой умысел.

Омельчук: Еще один не очень приятный вопрос: в Надыме проводилась I экологическая конференция по проблемам освоения Ямала, Всесоюзная, но под эгидой вашего ми-

нистерства. Затрачены значительные средства, а результаты не особо заметны. Создается впечатление, что это пышное мероприятие проводилось для того, чтобы снизить накал экологической критики, откупиться от общественности.

Шаповалов: Не могу согласиться с вами. Думаю, что и большинство участников, ученых со всего Союза, разделяют мою точку зрения. Ямал — задача с множеством неизвестных. Мы ждали большого научного сбора по проблемам Ямала, скажем, под эгидой Академии наук или союзного Госкомитета по природе. Не дождалось. Решили собрать сами. И сами же остаемся виновными? Пошуметь-погреметь мы могли бы по более традиционным поводам — досрочным вводам, иным достижениям. Не было намерения шуметь. Хотелось услышать разные стороны, компетентные мнения. Помните, в школьных сочинениях в правом углу мы писали обязательно эпиграф? К этой конференции я бы эпиграфом взял: «Вызываем огонь на себя». Огонь вызвали, зато получили боевое крещение, узнали много полезного. А главный итог: сделали шаг к сближению крайних точек. Кричать и запрещать — это одно, спокойно сотрудничать — другое. В сборнике тезисов докладов обобщены все имеющиеся на сегодняшний день научные проработки по Ямалу. Разве этого мало? То, что конференция прошла неровно, с захлестами, с чрезмерными эмоциями с обеих сторон, разве по нынешним боевым временам выглядит анахронизмом? Двадцать лет назад я бы на такое дело никогда не пошел, считал бы, что выполняю государственное дело, а все остальное — не мои проблемы, смело бы пошел на любую конфронтацию. Сегодня советуюсь перед дальней дорогой. Разве это плохо? По-

звольте и мне иметь мнение о тех, кто ищет конфронтации, а не спокойного, взвешенного разговора. Все рациональные зерна сегодня нужно собирать в одну чашку.

Омельчук: Игорь Александрович, позовут вас ненцы полуострова на всеямальское вече, спросят: «В силах ли советские строители оставить Ямал в таком виде, чтобы здесь могли безбедно и счастливо жить многие поколения тундровиков?» Что ответите?

Шаповалов: Я не имею права ответить поинному: «Конечно, в силах». Это зависит от строителей, но не только от них, а от всех участников процесса освоения. Пришло время разума, время здравого смысла.

Резюме автора. Слова лидера всегда поверяются его действиями, его поступками. Многие положения этого интервью сможет прокомментировать только время. Нет сомнений, лично Игорь Александрович Шаповалов за предельно грамотное экологическое освоение Ямала. Но его личные убеждения, личная программа должны превратиться в программу конкретных действий всех подразделений и трестов возглавляемого им ССО Арктикнефтегазострой. А здесь, к сожалению, большой простор для сомнений. Но я своему собеседнику немного позавидовал, ведь им произнесены эти прекрасные слова: «Тюменский Север — родина сыновей тех, кто несколько пятилеток назад первопроходчески начинал его промышленную новь».

Наверное, я хочу здесь, в «логове врага», в очередной раз обольститься: действительно, если мы рачительные хозяева, если мы заботливые отцы, исправим былые ошибки, сделаем все, чтобы оставить в наследство детям и внукам прекрасную, нежную землю Севера в ее естественной целостности.

РОБКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВИНЦИАЛА

Рядовые армии освоения — они, оказывается, во всем и виноваты. Это они, из каких-то нечеловеческих соображений, не рыли себе окопы, не вгрызались в промерзлую землю, путали всякий приказ. Им было удобно под пронизывающим дождем, в слякоть, без помощи, без своевременного снаряда, под перекрестным огнем полярных ветров. Они, одни они виноваты в наших затянувшихся поражениях.

А что же штаб? А штаб отдавал верные приказы, исключительно разумные распоряжения. Почему мы завязли в этих тундровых топях? Исключительно по вине рядовых — им самим не хотелось пристойной жизни, они сами устраивали себе тяжелую. А если запаздывали приказы, если тылы плохо снабжали, шло снаряжение далеко не лучшего сорта и не прослеживалось мало-мальски разумной стратегии битвы — в этом, конечно, тоже вина окопного «пушечного мяса». Плохо торопили, неоперативно звали на подмогу, нечетко информировали.

Такие ассоциации вызвала у меня статья аспирантки одного из институтов Академии наук СССР И. Покровской, опубликованная в салехардской окружной газете «Красный Север», — «Под собою не чуя страны». Главный пафос строк столичной дамы: основные виновники разорения Тюменского Севера — его нефтегазовые освоители, рядовые и капралы стройных ведомственных колонн, строго и непоколебимо наступающих в направлении арктических берегов.

Возражать против праведного гнева автора опаснее, чем плевать против ветра. Да и брать на себя грехи первопроходцев, на счету кото-

рых действительно не только достижения и достоинства,— не велика доблесть. Первые раны хрупкой плоти Севера нанесли они: если создавать «черную книгу» Севера — не миновать их имен на этих позорных страницах.

Но хочется справедливости: если уж сестрам по серьгам, то всем. Ученая Покровская обрушила свой гнев на одного из тех, кто начинал газовую эпопею Северной Сибири, осваивал газовый первенец Медвежье, основывал и строил Надым, выходил на Уренгой и Ямбург и смеет письменно утверждать, что умел принимать ответственность на себя. При нашей ретивой смелости модно клеймить стрелочников, забывая поименно помянуть авторов концепций, проектов и программ. Боюсь, что столичные стратеги, как всегда, окажутся безымянны. Может, все же московским специалистам сподручнее искать виновников не в северной глубинке, а в министерских и других высокопоставленных кабинетах?

Меня, к примеру, интересовал бы непредвзятый, строго научный анализ деятельности таких стратегически не второстепенных лиц, как Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. А. Тихонов, В. Э. Дымшиц, В. И. Долгих, Н. К. Байбаков, нынешних руководителей Госплана, Минфина, Госстроя и прочая и прочая. Что в их стратегических концепциях было верно, какие конъюнктурные расчеты принесли несомненный вред, от чего следует немедленно отказаться. Мы на Севере твердим о тиражировании ошибок, о неисправленных уроках Медвежьего, Уренгоя, Ямбурга. Но может быть, виновны не только плохие ученики, может, составители задачника неверно сформулировали задание? Неловко и нелогично думать, что сибирский «хвостик» вертит столичной головой, что в Тюмени определяли и определяют

стратегию, а в Москве лишь послушно кивают и принимают к исполнению. Если у кого-то из столичных публицистов имеется смелость, то пусть это будет смелость на всех, а не только на северотюменских «стрелочников». Может, не придется уезжать далеко от Москвы? Может, не искать на затерянной буровой замызганного и обмороженного бурмастера, а в кабинете вальяжного министра геологии СССР товарища Козловского поинтересоваться, что сделал штаб отрасли, чтобы техника и технология поиска соответствовали нынешнему уровню экологического сознания общества? Может, вместо того, чтобы упрекать — понятно же! — кругом виновного затрапезного начальника газпромысла, зайти к министру газовой промышленности, солидному товарищу Черномырдину, и вместе с ним проанализировать, как сопрягаются нужды газовиков и нужды тундровиков? Может, понять затурканного северного прораба, а у министра нефтегазостроя СССР, сурового обликом товарища Чирскова, попытаться, все ли сделала могущественная отрасль, чтобы спасти тундровый народ от нежелательных последствий индустриально-строительного нашествия?

А может, в кабинете заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Бюро Совмина по топливно-энергетическому комплексу товарища Щербины услышать, какие концепции освоения Ямала разработал «мозговой центр» комплекса и какое местечко в этих концепциях отводится социальным программам, учитывающим жизненные потребности коренного населения?

Ну а потом, естественно, вешать всех собак на тех, кто вырывает свои медали и ордена в болотах и тундрах, в пургу и гнус, в мороз и распутицу, со всей сибирской ретивостью

и северной основательностью осуществляет эти решения, постановления, инструкции и резолюции, которые родились в светлых горницах столичных штабов.

Заслуживает ли уважения полководец, во всех своих неудачах обвиняющий солдата?

...Более ста лет назад яростный патриот Сибири Николай Ядринцев опубликовал в Санкт-Петербурге серьезнейшее исследование «Сибирь как колония». Сто лет назад думающим людям было ясно, где колония, где метрополия. Сегодня, если верить некоторым столичным исследователям, публикующимся в провинциальных газетах, Сибирь — колония... самих сибиряков.

Спору нет, сегодня мы понимаем: тюменские газ-нефть стимулировали если не общесоюзный застой, то — уж точно! — застой в отечественных мозгах. Но обвинять самих сибиряков в том, что они по-солдатски рьяно выполняли приказы центра, добывая миллионы-миллиарды, смиряясь при этом с ужасающей социально-бытовой бедностью, согласитесь, для этого требуется изощренное логическое мышление большого академического специалиста. Ах, уж эта капризная тюменская курочка: несет золотые нефтяные яички и не понимает своего блага, когда с этого почти ничего не имеет.

Справочно: тюменское «черное золото», с тех пор как первая баржа с шаимской нефтью пошла в Омск на переработку (1963), и тюменский газ с начала пуска трубопровода Игрим — Серов принесли государственной казне около 150 миллиардов рублей. Только чистая прибыль с учетом экспорта превысила 50 миллиардов рублей. Сегодня область, зарабатывающая миллиарды нефтедолларов и нефтерублей, не может найти средства на самое не-

обходимое — жилье, детсады, школы, больницы, дороги, магазины, свести бюджетные концы (дефицит областного бюджета в текущем году превысил полсотни миллионов рублей).

СТИМУЛЫ ТОРОПЛИВОСТИ

Знающий и ответственный человек, первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома КПСС Валерий Первушин причины освоенческих ту-пиков обозначил лаконично:

— Спешка.

Наверное, это слово не исчерпывает всех причин существующих проблем, но многие из них объясняет. Действительно, поразбираешься, проанализируешь и поймешь, почему одно сделано глупо, другое непродуманно, а это неумело. Да потому, что все куда-то торопились, спешили. Есть такой фетиш — сроки, которые вроде бы оправдывают легендарное отечественное разгильдяйство.

Плохо, но в срок.

Плохо — не грех, не в срок — грех непрощаемый.

И Ямал, кажется, не минует горькая чаша сия.

Сроки здесь фигурируют с неизменным эпитетом «правительственные», и очередной фетиш обозначен так — 1991 год: именно в этом году — то ли в апреле, то ли в декабре — страна должна получить газ Ямала.

Весной 1988 года в Тюмень прилетел Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, на собрании партийно-хозяйственного актива области он сказал:

«Говоря о перспективах народного хозяйства региона, особо хотелось бы сказать о полуострове Ямал. Если в настоящее время основные приросты добычи газа мы получаем

с Ямбургского месторождения, то уже в начале следующей пятилетки они будут достигаться за счет ввода в разработку ямальских запасов газа... Надо приложить максимум усилий, проявить инициативу, настойчивость для выполнения поставленной задачи — подать ямальский газ в европейскую часть страны уже в первом году тринадцатой пятилетки».

И еще из того же доклада:

«Два года ведется сооружение железной дороги от г. Лабытнанги на Ямал, между тем ни заказчик — Мингазпром СССР, ни проектировщики до сих пор не нашли окончательного решения по выбору трассы».

Я вовсе не ставлю себе задачу ревизовать правительственные сроки. Но что неизбежно настораживает, огорчает, обескураживает? Назван, обозначен срок. Еще, по существу, нет даже концепции освоения, не продумана стратегия, многое неясно, а кое-что и совсем непонятно. Цель впереди как горная вершина, окруженная туманом. Как к ней толково пройти, подняться, государственных ног не переломать?

Меня такая ситуация заставляет вспомнить плохих школьников, которые подсмотрят ответ в конце задачника, а потом начинают подгонять под него решение.

Понимаю, что цифра 1991 не с потолка упала, в топливном балансе страны в декабре обозначенного года будет зиять грандиозная ямальская прореха. Но наверное, и в перспективном государственном плане должны учитываться альтернативы (полагаю, что ямальскую программу вполне возможно отодвинуть во времени не на один год, если проводить последовательную ресурсосберегающую политику) да и поставленная задача должна обосновываться реально.

В письме, отправленном в Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу 7 апреля 1988 года, руководители Тюменской области выражают решительное несогласие с представленным проектом освоения, без обиняков утверждая, что проект «не готов для рассмотрения в правительстве». Главный недостаток видится им в некомплексности документа, внушает сомнения слабая проработка вопросов создания социально-бытовых условий для рабочих, усеченная программа охраны ямальской природы и непродуманность компенсационного возмещения причиненного ущерба. Откровенное недоумение вызывает и рискованный вариант «нырка» системы трубопроводных коммуникаций в Байдарацкую губу.

Неоднократный опыт убеждает в том, говорят специалисты, что необходимо продумать всю сумму проблем с самого начала, нужен, как это ранее предусматривалось, единый комплексный план решения всех принципиальных вопросов.

Итак, и сегодня, когда я заканчиваю этот очерк (без героя, но с многочисленными внутренними монологами), еще не существует единого комплексного генерального плана, «сценария» освоения, целевой программы «Ямал». Можно ли предположить, что в очередной спешке освоение будет вестись предельно разумно и грамотно, можно ли надеяться, что все еще разрабатываемый проект будет рассчитан на технологии XXI века, а не на запасы морально устаревшего оборудования и старые организационные схемы?

А сроки убегают, сокращаются, как пресловутая шагреневая кожа. Возникает неожиданная мысль: может, кто-то в довольно высоких организационно-ведомственных сферах играет

на затяжку времени? Может, это кому-то выгодно? Я далек от мысли, что делается это сознательно, но, наблюдая целеустремленную спешку на сибирских территориях, трудно не прийти к выводу, что в условиях постоянного аврала отраслям и ведомствам, которые торопятся, не поспевая от одной до другой тюменской программы, легче и проще творить все, что угодно, ударно и размахисто, с закономерными издержками, подгоняя задачу под известный ответ — 1991 год.

Конечно, сроки дисциплинируют, но нереальные сроки ни к чему, кроме напрасных жертв, не приводят. Не с этого ли начинается банкротство стратегии?

БАНКРОТСТВО СТРАТЕГИИ!

Журналист не часто берет интервью у коллеги. Но случилось так, что с Игорем Огневим, собственным корреспондентом «Советской России» *, мы оказались на Харасавэе, мечтали добраться до Бованенково, где высаживались буровики из Коми республики, а попутного транспорта не оказалось и не предвиделось. Знающие люди отсоветовали: что там смотреть, кроме пары балков и голой тундры? Мы коротали ночь на базе нефтеразведчиков в геологической «бочке».

Игорь давно занимается проблемами освоения Севера. Он выученик журнала «Эко», созрел в вольной атмосфере новосибирского Академгородка. Перед поездкой на Харасавэй мой спутник совершил большой исследовательский вояж: в Новосибирске встречал-

---

* Сейчас И. Огнев работает в редакции газеты «Известия».

ся с экономистами и идеологами программно-целевых методов, в Ленинграде работал со специалистами научно-исследовательских институтов, нацеленных на Ямальскую программу, в Москве принимал участие в заседании Государственной экспертной комиссии при союзном Госплане.

Наша вечерняя беседа затянулась, но я догадался, хотя и с запозданием, включить репортерский магнитофон.

Вопрос: Так что, можно говорить о кризисе стратегии освоения новых, в тюменском случае нефтегазовых, территорий или быть посмелее-поточнее и говорить прямо: банкротство стратегии?

Ответ: Я так вопрос не ставил (на пленке умудренный, немного страдальческий голос моего собеседника). Надо говорить о банкротстве старых отраслевых подходов к управлению программами. В твоём вопросе легкое обострение, преувеличение, если вести речь о задачах освоения Севера. А если о наших методах управления программами — банкротство налицо. Здесь нужна программная методология. Она есть. Господи! Ее же изучают в вузах. Студенты проходят полагающиеся методики программно-целевого подхода, сдают экзамены, пишут проекты и дипломы, потом становятся инженерами, специалистами, крупными организаторами работ и стараются начисто забыть все, что изучали. Вот до чего мы дожили. Ведь, по существу, никакой единой Ямальской программы нет. Есть три проекта разной степени готовности: строительство железной дороги Лабитнанги — Бованенково — Харасавэй, освоение Бованенковского месторождения, прокладка трасс магистральных газопроводов через Байдарацкую губу Карского моря. Между собой они практически не увя-

заны. Такой задачи попросту не ставилось. Никто не задался целью создать единый проект освоения Ямала, обладающий статусом концепции. Почему не ставилась цель? Ее некому ставить (в нашей стране таких постановщиков задач в природе не существует), это во-первых, а во-вторых — не перед кем.

Между тем идеология программно-целевого подхода отвергает однобокие, некомплексные программы. Сейчас же как формируется программа освоения полуострова? «Газ Ямала»? А как учитываются в ней ямальская нефть, ценнейший газовый конденсат, полезные ископаемые Полярного Урала, примыкающего к осваиваемой части Ямала? Где забота о сохранении и развитии традиционного хозяйства коренного населения?

Вопрос: Слушай, но неужели всемогущее Бюро союзного Совмина по топливно-энергетическому комплексу не может выступить в роли режиссера-постановщика концептуальных задач, а его контрагенты в лице Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Минтрансстроя не возьмут на себя роли талантливых исполнителей?

Ответ: Бюро — координирующе-бюрократическая надстройка, не более; детище изжившего себя отраслевого управления. В его компетенцию заказ целевых программ не входит изначально. Госплан такую роль по старинке отводит Мингазпрому. Но перед лицом других министерств разве может рядовой Мингазпром выступать в роли руководителя целевой программы? К тому же он, как и все другие, работает в реактивном режиме, реагирует только на оперативные ситуации. Ямал — он когда-то еще будет, а у министра и его замов голова болит за Уренгой, Ямбург, Вынгапур. Может, по ночам они не спят, ворочаются,

(что-то негоже получается с Ямалом), но утром беспокойство за судьбу соленого полуострова отступает, тонет в болоте производственной текучки. Можно ли говорить о хорошем качестве проектов, если ведомственный институт, идя на серьезный риск, творит проект за счет оборотных средств? Честь и хвала мужественным проектировщикам, но они будут стоять насмерть, даже если увидят дичайшие несовершенства своего детища, очередного проекта в никуда. Во-первых, они терпят финансовый крах, если их проект не утверждается, а во-вторых, альтернативного-то, конкурсного варианта ни у кого нет. Поэтому масса необходимых изысканий не проводится, с экологией просто швах. Вся народнохозяйственная система пока работает в реактивном режиме. Это главная причина, в этом трагедия.

Вопрос: Я правильно тебя понял: министерство можно обвинять в непродуманной, близорукой, реактивной политике, но в то же время ему можно посочувствовать?

Ответ: Конечно, конечно. Время требует конструировать иную систему управления крупными программами. На Медвежьем, Уренгое, Ямбурге как-то срабатывало, сходило с рук. Но задай себе вопрос, почему уроки этих газовых гигантов никому не идут впрок. Да они и не пойдут, не могут пойти. Структура управления программами через головное министерство изжила себя. Ямал — программа иного ранга, мы солидно поперхнулись, ямальский кусок застревает в горле, мы его по-стародавнему не переварим. И никто пока не хочет понять, что это не случайный кашель, а симптом серьезнейшей болезни. Отраслевой подход к управлению территориальными программами принципиально не годится, если мы хотим соблюсти интересы народа, земли да и

элементарной экономики. Не кто иной, как союзный министр финансов Гостев, выступая недавно перед журналистами, признался, что сегодня финансовая экспертиза крупных проектов в нашем родимом государстве не проводится. Что это значит? Это значит: все, что записано в государственном плане, Минфин обязан финансировать. Но что принесет стране этот проект — убытки или прибыль, Минфин не считает, ему это неинтересно. Фантастически! Но гостевская фантастика — наша экономическая реальность. Нигде в мире не встретим подобного подхода. Нет прибыли — нет проекта. Экспертиза экономистов и финансистов — первое, что делается, это вопрос их профессиональной совести и чести. В нашей же стране существует так называемое финансовое обеспечение плановых заданий. Все с ног на голову. С таким Министерством финансов мы провалимся в тартарары. Удивительно, как еще до сих пор этого не случилось.

Вопрос: Но в чем причина этого?

Ответ: В колоссальной инерции, которая скопилась в обществе: мы привычно молились на то, что давно изжило себя. Пресловутая генсхема управления насаждается сверху бюрократическим аппаратом во спасение свое. Структура должна расти снизу, как растет дерево. Требуются только те верхние этажи, которые нужны низам. Такова логика построения структур. Мы же выращиваем дерево с кроны, делаем умный вид, что так поступает и природа. Конечно же, постоянно будем терпеть фиаско, как и в случае с Ямалом. Вот тебе общее, вот тебе частное.

Вопрос: И чем же грозит Ямалу такой уровень подхода?

Ответ: Уровень не один. Умных людей в нашей стране немало. Те исследователи, кото-

рые собственными ножками топчут грешную северную землю, ратуют за то, чтобы подход к Ямалу был по науке, по современной науке. Официальные же лица, понятно, с усердием, достойным лучшего применения, отстаивают сомнительную честь своего отраслевого мундира с подобающими ветхозаветными подходами. Самое опасное, что в Госплане сталкиваешься с управленческой безоблачностью: у нас, мол, есть Мингазпром, головное министерство, пусть оно решает. А как решит Мингазпром? Он стесняться не будет. Сколько стоит Ямальская программа? Шутка сказать, но одни утверждают, что она станет стране в тридцать миллиардов, другие — в сорок. Считайте, что в сорок. Министерству чем дороже, тем выгоднее. А государству, попавшему в зависимость от своего же министерства, придется изыскивать средства — допустим, повышать цены, но вряд ли даже это перекроет стремительную нужду в деньгах. Колоссальные затраты при нынешних подходах неминуемы. Куда это годится? Зачем мы собираемся разорять народ во благо нескольких министерств?

Хотя бы одно уважающее себя экологическое заведение в стране может сказать, какие последствия ожидают Ямал? Нет. Ты не знаешь, я тоже такого не встречал. Но если мы не знаем всех грозящих последствий, если они нам не понятны и не известны, одной этой причины достаточно, чтобы все работы прекратить. Вот как бы нужно подходить к освоению Ямала с точки зрения совестливой науки. Неизвестные нам последствия катастрофичны только для нашего Севера? Азиатского? Европейского? Можно ли разрабатывать проект, не зная его долговременного экологического влияния на всю Субарктику. Сегодня же

надо соображать. Завтра нам предъявят международные претензии. Финскому оленеводу, шведскому лесорубу, канадскому фермеру разве безразлично, как на нем отразятся последствия Ямальского проекта. Ямал — звено экологической цепочки всей Арктики. Вспомни, что говорил Горбачев в Мурманске, это не случайная речь: он призывал к мирному сотрудничеству не только политическому, но и научному. Кто нам мешает воспользоваться мировыми умами, создать циркумполярную научную экспедицию, пусть она проработает все аспекты освоения Ямала. Одна гарантия твердая: это будет непредвзятое, независимое исследование. Тюменский академический Институт проблем освоения Севера выступает с такой идеей, но поддержки пока не получил.

Вопрос: Лебедь верховной административной бюрократии, слабосильный Рак местной власти, хищная Щука ведомства далеко, как понимаю, ямальский воз не увезут. Слушай, просвета-то никакого, отчего такая безысходность?

Ответ: Надо перестать только себя считать умными, а других дураками. Ни одно государство не старается действовать во вред себе. Оно ставит задачу в интересах общества, нанимает фирму, которая от лица государства выступает руководителем целевой программы. Фирма на конкретной конкурсной основе заказывает проект, выбирает лучший, оптимальный вариант. На проект, на конкурсной же основе, выбираются исполнители. Задача фирмы — затратить меньше, получить больше. Она отвечает и перед обществом, и перед территорией. Что нам мешает сделать это? Мы же продекларировали гуманные цели — повышение жизненного уровня населения всей страны, значит, и Ямала.

Вопрос: С центром ясно — там пока мешанина благих намерений и старых подходов. Могут что-то сделать местные власти?

Ответ: Они слишком долго исправно брали под козырек, послушно вытягивали руки по швам. К сожалению, сегодня у них пока одно право — запрещать. На Ямале они научились это делать. Но сегодня этого недостаточно. Ведомства стараются перепихнуть на местную власть экологическую экспертизу. А где же в райисполкоме, окрисполкоме отыскать ученого эксперта мирового уровня? У исполкома нет ни знаний, ни денег. Он выступает в роли мелкопоместного просителя: постройте нам здесь, вон там. Надо соединить науку и власть. Министерство всеми силами и средствами отбивается от той информации, которая ему невыгодна. Ведомственная наука давно простиитурует: как продажной шлюхе, ей платят хорошие деньги, конкурентов к жирному пирогу она старается не подпускать. Всего один пример. Мингазпром посулил академическому Институту проблем освоения Севера на экологические исследования около двадцати миллионов рублей. Но предупреждает: вы получите эти денежки, когда одобрите наше ТЭО. Как же одобрять ведомственное ТЭО, если сначала надо провести исследования? Загоняют науку в заколдованный круг. Ведомство всеми силами обороняется от независимой науки. Всеми силами оно будет обороняться и от местных властей. Сильная власть плюс независимая наука плюс серьезные деньги — только это может поставить могущественные министерства в партнерские отношения. Сегодня же идет, не боюсь этого слова, нечестная игра — ведомства стараются протащить проекты, которые не прошли фильтров независимой общественной экспертизы.

Вопрос: Не пора ли выдвинуть лозунг: «Руки прочь от Ямала!»?

Ответ: Если с уточнением — «неумелые руки», то, пожалуй, вполне своевременно и уместно.

Вопрос: Может кто-то вывести эту безысходную ситуацию из тупика?

Ответ: Только сплотившаяся общественность.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Мое давнее желание, когда я впервые объявился на будущей станции Обской и мечтал о встрече с рискованым механиком-водителем Леготкиным, мне видится сегодня наивным, романтически-облегченным, даже романтически-жалким. Повзрослел, что ли, на четыре года перестройки, может, помудрел, как говорится, на несколько проблем. У соленого полуострова совсем иная, не романтическая иерархия сложностей.

...На отчетно-выборной партийной конференции в городе Надыме возникла неожиданная ситуация. Начальник отдела кадров строительного управления № 7 треста Арктикгазмеханизация Нина Ядне предложила себя в состав горкома КПСС. Делегаты смело поддержали предложение. Ядне на этом не остановилась — предложила свою кандидатуру на должность секретаря горкома. Здесь ей удалось добиться поддержки только четверти членов городского комитета. Мало? Как сказать...

Что же за программу выдвинул не особо официальный кандидат в секретари? «Усилить, поставить на качественно новый уровень работу по сохранению и развитию культуры ненецкого народа. Организовать этнографиче-

ские и экологические курсы обучения во всех школах, организациях. Пресекать бюрократизм во всех его проявлениях».

Нина Ядне, уроженка этих мест, педагог по образованию, прославилась яркой, страстной речью на I Всесоюзной экологической конференции в Надыме, эмоционально заострив национальные и экологические проблемы промышленного освоения. И если ее, неофициального претендента на пост секретаря горкома, поддерживает довольно значительная часть делегатов, значит, у официальных претендентов они не чувствуют той заботы, той боли, той страстности, с которой только и можно решать эти жизненно важные проблемы.

...В Салехарде проводились первые альтернативные выборы председателя исполкома окружного Совета народных депутатов. Трудный процесс. Депутатам потребовалось две сессии, чтобы назвать имя нового председателя. Что сыграло решающую роль?

Реальных претендентов оказалось двое: первый секретарь Пуровского райкома партии Лев Баяндин и заместитель начальника специального строительного объединения Арктикнефтегазстрой Геннадий Кудрявцев. Первый тур с незначительным перевесом выиграл Баяндин. На следующей сессии среди делегатов ходит молодежная газета с интервью, где Кудрявцев на вопрос корреспондента: «Следует ли выходить на Ямал?» — отвечает: «Надо выходить...» Его позицию понять нетрудно: он один из руководителей строительного объединения, нацеленного на Ямал. Как относится к ямальской проблеме второй претендент? «Сегодня, не имея четких научных проработок, с выходом на Ямал не следует торопиться». Численное превосходство голосов у Баяндина нарастает, Кудрявцев считает целесо-

образным отказаться от дальнейшей борьбы, предлагает своим сторонникам отдать голоса за «программу Баяндина».

Два факта, всего два эпизода... Но уже и они ярко показывают, что проблема Ямала вовсе не сугубо технико-технологическая, не сугубо экономическая, она становится серьезным фактором местной политической борьбы. Сегодня серьезный политический деятель (пока местный) уже не может отмахнуться от нее или обойтись общими словами. За? Против? Надо отвечать четко. И не только на словах, сегодня требуются уже дела.

Вслед за прошедшими недавно выборами народных депутатов СССР грядут выборы в Верховный Совет России, в местные Советы. Отдадут ли ямальцы, тюменцы голоса за того кандидата, который не занял четкой позиции по ямальскому вопросу? Сегодня найдутся и смелый оратор, и активная организация, которые не позволят заговорить болевую проблему или открутиться от нее.

— Не корысть и не карьера,— говорила на партийной конференции в Надыме Нина Ядне,— заставляют меня выдвинуть свою кандидатуру на большую должность, а горячее желание хоть как-нибудь помочь моему народу выйти из застойных явлений, пробудить в нем национальное достоинство.

...Мой бородатый собеседник — узнаю новость — в Тюмени последние дни: Ямало-Ненецкий окрисполком утвердил его в должности главного экологического эксперта. Старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера, кандидат географических наук Вячеслав Федорович Лукичев меняет место жительства — переезжает в Салехард. Создание окружной экологической инспекции — одно из первых действий недавно изб-

ранного председателя окрисполкома Льва Сергеевича Баяндина.

Я-то с Лукичевым хотел встретиться по другому поводу — он президент созданного чуть раньше общественного комитета «За комплексное развитие полуострова Ямал». В комитете писательница Анна Неркаги, журналист Анастасия Лапсуй, кандидат педагогических наук Елена Сусой, секретарь Ямальского райкома КПСС Лидия Вэлло, знакомая нам Нина Ядне, председатель Приуральского райисполкома Мирон Ямкин, рыбак Павел Окотетто, известный ямальский природовед Тит Мартышин, директор совхоза «Байдарацкий» Николай Бабин, ихтиолог Валерий Шишмарев, журналист Федор Сизый, кандидат исторических наук Елена Лапсуй-Пушкарева, зоотехник совхоза «Ямальский» Иван Тусида. Люди на Ямале уважаемые и граждански активные.

У меня к президенту один вопрос: «Чем комитет конкретно будет заниматься — голосить, как это частенько делают нынешние общественные формирования, либо действовать?»

— Только действовать, — уверенно заявляет Лукичев. — Мы уже договорились, что при комитете создается полноценный научный совет. Согласие на работу в нем дали и тюменские ученые, и известные в стране специалисты из других регионов. Наша задача — соединить науку, силу общественности и власть.

Комитет — его уже называют комитетом общественного спасения — продекларировал три равнозначные задачи:

«1. Сохранение территорий (экосистем) полуострова и содействие развитию традиционных отраслей производства коренного населения.

2. Перенесение сроков добычи газа Бова-

ненковского месторождения с целью разработки научного обоснования промышленного освоения, долгосрочного планирования, экономических, социальных, экологических мероприятий и технологий, отвечающих сложным мерзлотным и суровым климатическим условиям.

3. Дальнейшее улучшение всех сторон социальной, общественной, политической жизни коренного населения».

Формулировки заметно торопливы, видимо, делались в спешке, когда к единому знаменателю надо привести разноречивые мнения. Но основное сформулировано.

Думаю, будет уместным опубликовать в этой книжке и первое обращение комитета «За комплексное развитие полуострова Ямал» — документ времени, факт сегодняшней политической жизни.

«Сограждане! Министерства и ведомства страны вновь, как и прежде, свои интересы ставят выше интересов советского народа. Сейчас они начали работать по освоению сказочных богатств полуострова Ямал — уникального полярного региона. Причем делают это без научного обоснования освоения, без долгосрочного планирования, экономических, социальных и экологических мероприятий; технологий, отвечающих сложным мерзлотным и суровым климатическим условиям. Бесконтрольно, по-варварски вторгаются на полуостров с его легкоранимой и предельно неустойчивой к техногенным воздействиям природой.

Такой ненаучный, необоснованный выход уничтожит оленьи пастбища, охотничьи угодья, реки и озера и нанесет невосполнимый ущерб традиционным отраслям производства северян: оленеводству, рыбодобыче и охотничьему промыслу. Страшно и то, что при таком освое-

нии наносится ущерб не только природе, но и человеку — жителю полуострова Ямал. Так, за 20 лет покорения нефтяных и газовых месторождений Тюменского Севера уже произошло резкое снижение продолжительности жизни местного коренного населения: у мужчин — на 15, женщин — на 13 лет, то есть жизнь коренных жителей Севера оказалась короче, чем в среднем по стране. Особую тревогу общественности вызывает детская смертность, которая в 2—3 раза выше, чем в среднем по Ямало-Ненецкому округу. И все эти негативы происходят при многомиллиардных капитальных вложениях в промышленное освоение исконных земель коренных народностей.

Настало время во всеуслышание заявить и убедить каждого здравомыслящего советского человека, что такое безответственное освоение приведет не только к экологической катастрофе, но и гибели коренных жителей. Построить же счастье и благополучие на несчастье малых народностей Севера — аморально и не отвечает принципам советских людей.

Комитет «За комплексное развитие полуострова Ямал» обращается ко всем гражданам Советского Союза — проявить свою сознательность, встать на защиту этой суровой, но по-своему прекрасной и неповторимой земли и ее народа. Теперь только от общественности, то есть от каждого из нас, зависит — будет ли на этом полуострове жизнь и, главное, сможет ли выжить в создавшихся условиях ямалец, сумевший сохранить для Тебя в первозданности этот прекрасный уголок планеты, имя которому — Ямал!»

ПРИЗВАННЫЙ ТУНДРОЙ

Резкие тундровые ветры оставили на его бронзовом лице вечные борозды-морщины, оно как бы посечено не очень умелым резчиком. Вид изможденный, аскетичный и одновременно гордый, несмиряющийся. Потребуется типаж для вестерна — пожалуйста, облик классического вождя индейцев, привыкшего к испытаниям, независимого, серьезного в намерениях. Не случайный лидер, даже облик показывает — призван. Помазанник полярного ветра, призванный тундрой. На взгляд наталкиваешься — колючий, недоверчивый. Его доверие еще следует завоевать.

— Я понимаю, что многим моя победа пришла не по нутру, — соглашается он. — Но разве у меня оставался выбор? Я спросил себя, прежде чем вступать в борьбу: кто, если не я? Предоставится ли еще шанс? Времена могут измениться, и завтра станет поздно.

— Но спокойной жизни нужно сказать «прощай»!

— Кому нужна моя спокойная жизнь, если для моего народа наступили такие тревожные времена!

...Освободилось место председателя Ямальского райисполкома. По нынешним демократическим временам претендентов оказалось несколько. Официальных претендентов. Хотяко Езынги выставил свою кандидатуру сам. Победил он только во втором туре, с небольшим преимуществом.

Биография его бесхитростна: сын тундровиков, окончил сельхозинститут в Тюмени, работал зоотехником в оленеводческих стадах, главным зоотехником в зверооленоводческом совхозе «Ярсалинский», попробовал себя на советской работе — председатель сельсовета

в рыболовецком поселке Новый Порт, последнее время возглавлял партком совхоза в Яр-Сале. Знающие люди утверждали:

— Готовая смена старому директору.

Коренным северянам давненько перестали доверять самостоятельные посты: в национальных районах на первых ролях редко найдешь ненцев, хантов, селькупов. Даже в школе-интернате, в самом глухом поселке директор непременно пришлый-приезжий. Хотя ораторского пафоса с разных трибун о доверии к национальным кадрам хоть отбавляй.

А Езынги к тому же не столь покладист, не столь послушен, как этого требуют устоявшиеся бюрократические каноны. Трудно придется с ним. Депутаты голосовали за него не единодушно: ведь он не сулил одинаково сладкой жизни всем, наоборот, приоритеты его программы кое-кому осложнят бесконтрольную жизнь.

Программа Езынги, наверное, может показаться приземленной, он вообще ничего не обещал в будущем, не рассыпался соловьем о перспективах, сурово обозначал то, что необходимо решать сейчас и немедленно. Ямал — крупный поставщик оленьего мяса, рыбы, мехов. Но в поселковых магазинах не увидишь всего этого, той же оленины, той же обской рыбы. Все идет «на экспорт». В то же время для рыбаков и оленеводов дефицитом являются самые элементарные продукты питания: масло, мука, крупа, чай, овощи, не говоря уж о фруктах. Свежий хлеб для кочующего оленевода — деликатес, он, снабжаясь всего два раза в году, живет на сухарях и замороженных буханках. Он может сдать кооперации дополнительное мясо, но в ответ не получит необходимых товаров, только пустые деньги, которые нечем отоварить. Товары так назы-

ваемого национального спроса — сукно, юфть, лодочные моторы, мотонарты «Буран», даже бисер (то, чем колонизаторы издавна заманивали туземцев) — остаются острейшим дефицитом.

Тундровика, сформулирует в своей программе Езынги, перво-наперво надо сытно накормить. Подумать о его здоровье: ведь продолжительность его жизни сократилась. Жильем уроженец Ямала обеспечен вдвое хуже, нежели приезжий, да и качество этого жилья никуда не годится. Юноше и девушке после интерната все труднее найти работу и в тундре, и в национальном поселке. Вот проблемы, которые вопиют! Можно ли глаголить о светлом будущем, если в отношении хозяина ямальской земли поправа элементарная социальная справедливость.

Многим депутатам программа Езынги пришлась не по вкусу: как и прежде, проще не замечать вопиющих проблем, памятуя, что тундровик терпелив, молчалив и Север вековечно приучил его терпеть трудности. При случае любой демагог не прочь напомнить, что Советская власть вывела вас из патриархальщины в социализм, приобщила к цивилизации. Подразумевая, что Советская власть — Мингазпром, Мингео, Миннефтегазстрой и иные цивилизованные министерства.

Нет, на нелегкую жизнь обрек себя Хотяко Мэйкович, выставив свою кандидатуру. Не «почетный губернатор» Ямала — скорее заложник и громоотвод. На нем сойдутся нервные нити многих жгуче-серьезных проблем, ему их решать.

Уже и сегодня, когда только начат отсчет его деятельности, можно услышать: «Много наобещал Езынги, непонятно, как выполнять будет».

— Сотрудничество или конфронтация?

Мы с ним ведем разговор о том, на каких принципах собирается райисполком строить отношения с промышленными освоителями.

— Сотрудничество,— твердо говорит Езынги.— Тундровики мудры и доверчивы, они привыкли верить Москве, а ведь все обретающиеся у нас министерства — из столицы.

Но сегодня кредит доверия оголтелые промышленные освоители постепенно исчерпывают. Тундровики на встречах с новым предриком уже не стесняются задавать тревожащие их вопросы.

— Мы свое отжили,— заявляют старики,— речь не о нас. Но чем будут заниматься наши дети, на что будут жить дети наших детей?

Езынги считает, что компенсационное строительство, на которое уповают промышленные ведомства, не решает перспективных проблем тундровиков. Оно может только на время сбить остроту проблем, чуть отодвинуть их во времени, но не больше. Конечно, можно построить бамовских домов и переселить туда тундровиков. Но эти дома быстро обветшают. А чем в поселках будут заняты бывшие оленеводы и охотники? Компенсационное строительство безнравственно изначально — оно предполагает, что промышленное освоение неотвратимо должно оставить тундровый народ Ямала без земли. Решение вопроса не компенсационное строительство, а сохранение тундры Ямала, его рек и озер. Никто не вправе решать судьбу народа, не спросив самого народа.

Сегодня дураков и легковых в тундре не найдешь: даже детям оленеводов не надо объяснять, что Бованенково лишь начало, по-

том последует «харасавэйский узел», потом Малыгинская площадь, затем настанет очередь восточного побережья — Тамбей, Сеяха, нефтяной Новый Порт, месторождения ямальской глубинки. В железном корсете трубопроводов и коммуникаций, буровых, нефтяных качалок и газовых промыслов вряд ли найдется место народу-оленоводу.

Если еще пяток лет назад тундровики говорили: «Осторожнее», то сегодня заявляют без дипломатических экивоков: «Нам такое освоение — удавка на горло». Они слышали о вездеходах на мягкой подушке, о дирижаблях и других чудесах-новинках, но в родной тундре видят все те же неумолимые трактора, ревущие вездеходы, тараны «Ураганов» — современную дикую рать отечественной и иноземной техники.

Одно из первых решений райисполкома (того самого, что селится в школьном гараже), подписанных новым председателем, запрещает летние транспортные работы в тундре. Они сегодня могут вестись только зимой, в строго ограниченные сроки.

— Наш народ спивался, это правда, — рассуждает Хотяко Мэйкович. — Но вот уже четвертый перестроечный год практически не пьет. Народ протрезвел. У него появилось время задуматься о своем будущем. А каково оно? Таково, что проще снова взяться за бутылку.

Будь я ненцем, ни за что бы не рискнул на тот шаг, на который осмелился мой собеседник. Председатель исполкома — фигура буферная, на него будут давить и снизу, и сверху. Сверху: «Стране нужен газ». Снизу: «Помогая гибель родовой земли, ты станешь последним могильщиком своего народа». Вы бы рискнули на подобные противоречия, когда

трудно остаться мудрым, принимать решения, которые удовлетворят всех?

Но давайте задумаемся вместе с ним, вместе с его земляками. Для нас газ Ямала — топливо, топливный баланс, для них — вопрос национального существования, по существу, вопрос жизни и смерти. Тундровики надеются, что будет найден разумный вариант. Сегодня министерства — промышленные освоители вряд ли могут дать гарантию, что, добывая богатства недр, не разрушат главное богатство северного народа — тундру. Тундровики не понимают всей сложности проблемы, но наверняка верят в могущество государственного разума, советской мудрости: если сегодня Мингазпром не умеет сохранить тундру, пусть подождет, пусть научится. Газ Ямала никуда не денется. Почему же ум наш так куц, а руки так нетерпеливы?

За последние двадцать, а может, и тридцать ямало-ненецких советских лет Хотяко Езынги — первый ненец — председатель райисполкома, да еще избранный демократически, на альтернативной основе. Есть чем гордиться.

Он помнит чеканную формулу: «Кто, если не ты?»

Хватит ли сил?

За его плечами пока нет больших дел. Только выбор.

Тюмень — Салехард — Харасавэй.
Февраль 1989 года.

От автора. После того, как рукопись была подготовлена к печати, стало известно: Президиум Совета Министров СССР решил, что с освоением полуострова Ямал следует повременить. Причиной, как сообщает газета «Известия» от 11 марта 1989 года, «послужила

недостаточная обоснованность проекта, мало учитывающая последствия индустриального вторжения на Крайний Север».

Решение важное, но оно вовсе не означает, что борьбу за экологически грамотное освоение соленого полуострова можно считать законченной.

Моя критика в главе «Робкие вопросы провинциала» чуть-чуть запоздала — в новом составе Совета Министров, утвержденном на первой сессии Верховного Совета СССР, не нашлось места Б. Е. Щербине, В. А. Козловскому и некоторым другим товарищам. Хочется верить, что их преемники откажутся от политики превращения Тюменской области в полигон антиприродной бесхозяйственности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	3
Метаморфоза замысла	4
Преждевременная роза	9
Дорога в никуда	10
Полярные миражи	12
Жестокий вариант	15
Станет ли в Арктике теплее?	16
Канал или пролив?	18
«Станция смерти»	20
Чужая земля?	25
Не начало ли перемен?	29
Тупики освоения	32
Статус тундры	38
Кровь на ягеле	47
Тундровая Жанна д'Арк	52
Экологическая мазурка	59
Иерархия безответственности	65
Родина сыновей	67
Робкие вопросы провинциала	80
Стимулы торопливости	84
Банкротство стратегии?	87
Политический фактор	95
Призванный тундрой	101

Омельчук А. К.

О-57 Соленая Арктика.— Свердловск: Сред.-
Урал. кн. изд-во, 1989.— 112 с.— (Энер-
гия ускорения).

ISBN 5—7529—0191—X

25 к. 5000 экз.

Автор в очерковой форме рассказывает о практике хозяйственных ведомств, участвующих в ускоренном освоении газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа, показывает, как, прикрываясь государственными интересами, эти ведомства игнорируют интересы коренного населения, наносят невосполнимый ущерб легкоранимой природе Севера.

О 0605010400-066 20-89
M158(03)-89

ББК 33.131

**Анатолий Константинович
Омельчук**

СОЛЕНАЯ АРКТИКА

Редактор Г. В. Чукреев

Художник А. Г. Мареев

Художественный редактор Н. В. Данилов

Технический редактор Л. М. Голобокова

Корректоры Т. Г. Калугина,
М. А. Казанцева

ИБ № 1985

Сдано в набор 24.04.89.

Подписано в печать 19.07.89. НС 12115.

Формат 75×90^{1/32}. Бумага типографская № 1.

Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая.

Усл. печ. л. 4,4. Усл. кр.-отт. 4,8.

Уч.-изд. л. 4,4. Тираж 5000 экз. Заказ 279. Цена 25 к.

Средне-Уральское книжное издательство,

620219, Свердловск, ГСП-351,

Малышева, 24. Типография изд-ва

«Уральский рабочий», 620151, Свердловск,

пр. Ленина, 49.

В 1989 году
в Средне-Уральском книжном издательстве
в серии «Энергия ускорения»
выходит книга
первого секретаря Ханты-Мансийского
окружного комитета партии В. А. Чурилова
«Путь к человеку».

25 к.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

